

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

НИКТО, КРОМЕ НАС!

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Олег Верещагин

Никто, кроме нас!

«ЭКСМО»

2012

Верещагин О. Н.

Никто, кроме нас! / О. Н. Верещагин — «Эксмо», 2012 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

И вновь, как и в начале 1940-х, горит многострадальная русская земля. Но на этот раз с огнем и мечом идут по ней не фашистские захватчики, а «ооновские миротворцы», вознамерившиеся покончить с российской государственностью и установить на просторах России свои порядки. И вновь, как в годы Великой Отечественной, плечом к плечу со взрослыми, с теми, кто не сдался, не предал, не променял Родину, сражаются мальчишки и девчонки, пришедшие на смену пионерам-героям той священной народной войны. Этих юных воителей можно убить, но сломить их дух не удастся никому и никогда.

© Верещагин О. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть 1	5
Мертвый город	5
Пионеры	13
Суд горящей земли	25
Имя для отряда	31
Меня зовут Сережка	43
Education of NATO	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Верещагин

Никто, кроме нас!

*Не надо нас пугать, бахвалиться спесиво,
Не стоит нам грозить и вновь с огнем играть.
Ведь если враг рискнет проверить нашу силу,
Он больше ничего не сможет проверять.*
*Из песни «Мы – армия народа»
на стихи Р. Рождественского, музыка Г. Мовсисяна*

Часть 1

Город у моря (Мы родом из Воронежа...)

Мертвый город

Сводка о потерях выглядела удручающе. Ромашов смотрел на лежащий перед ним лист и, если честно, не мог понять, почему Воронеж еще держится.

Буквы сводки вдруг затеяли странный танец. Ромашов тряхнул головой и понял, что уснул сидя и с открытыми глазами.

Он вздохнул и попытался понять, наконец, о чем там говорится.

3-й сводный казачий полк – 11 убитых, 8 выбывших из строя, в строю – 272 чел.

5-й сводный казачий полк – 32 убитых, 17 выбывших из строя, в строю – 112 чел.

2-й Донской казачий полк – 23 убитых, 5 выбывших из строя, в строю – 201 чел.

17-й батальон ВДВ – 12 убитых, 14 выбывших из строя, в строю – 311 чел.

117-й мотопехотный полк – 14 убитых, 17 выбывших из строя, в строю – 422 чел.

сводный бронедивизион – 22 убитых, 24 выбывших из строя, в строю – 125 чел.

выведено из строя: 1 танк «Т-72»¹, 1 танк «Т-80»,

1 ЗСУ «Тунгуска», 2 БМП-2, 1 122-мм САУ «Гвоздика».

осталось в строю: 7 танков «Т-72», 5 ЗСУ «Тунгуска», 17 ЗСУ «Шилка»,

7 БМП-2, 3 122-мм САУ «Гвоздика», 2 152-мм САУ «Акация».

сводный артиллерийский полк – 5 убитых, 2 выбывших из строя, в строю – 202 чел.

сводный полк милиции – 27 убитых, 22 выбывших из строя, в строю – 345 чел.

сводный полк МЧС – 20 убитых, 19 выбывших из строя, в строю – 302 чел.

4-я интернациональная рота – 12 убитых, 3 выбывших из строя, в строю – 73 чел.

9-я интернациональная рота – 20 убитых, 11 выбывших из строя, в строю – 90 чел.

4-я егерская дружина – 26 убитых, 20 выбывших из строя, в строю – 119 чел.

7-я егерская дружина – 27 убитых, 10 выбывших из строя, в строю – 132 чел.

8-я егерская дружина – 31 убитых, 19 выбывших из строя, в строю – 97 чел.

именной Дроздовский полк – 52 убитых, 22 выбывших из строя, в строю – 524 чел.

разведотряд «Солардъ» – 2 убитых, выбывших из строя нет, в строю – 29 чел.

¹ Хочу со всем искренним уважением предупредить читателей: в связи с большим количеством упоминаний в тексте многочисленных образцов нашей и зарубежной техники и оружия я не привожу его ТТХ и даже сколь-либо кратких объяснений, чтобы не превращать повесть в заклепочную поделку. Если кому-то ОЧЕНЬ надо обогатиться данными сведениями – это легко сделать через Интернет. Исключения будут сделаны лишь в некоторых случаях. (Здесь и далее – примечания автора.)

1-я дружина народного ополчения – 19 убитых, 3 выбывших из строя, в строю – 142 чел.
2-я дружина народного ополчения – 24 убитых, 4 выбывших из строя, в строю – 119 чел.
3-я дружина народного ополчения – 20 убитых, 7 выбывших из строя, в строю – 92 чел.
4-я дружина народного ополчения – 3 убитых, 7 выбывших из строя, в строю – 203 чел.
5-я дружина народного ополчения – 14 убитых, 3 выбывших из строя, в строю – 137 чел.
6-я дружина народного ополчения – 17 убитых, 11 выбывших из строя, в строю – 142 чел.

7-я дружина народного ополчения – 21 убитых, 2 выбывших из строя, в строю – 132 чел.

8-я дружина народного ополчения – 6 убитых, 15 выбывших из строя, в строю – 204 чел.

Сводный отряд легкой авиации – убитых и выбывших из строя нет, потерь техники нет, в строю 44 чел. и 21 мотопланер «Гриф».

Господи, ужаснулся Ромашов. За один день – 460 убитых, 255 выбывших из строя. И город – огромный, почти миллионный (до войны...) Воронеж, на одиннадцатый день боев держит 4571 защитник. Ну – плюс восемь человек его штаба. С такими темпами потерь – на неделю, не больше. Хотя есть еще его личный резерв. Непочатый, так сказать. Базирующийся в военно-авиационном училище, технологической академии, в его штабе – здесь, в спорткомплексе «Буря».

1-й Кубанский казачий полк – в строю 314 чел.

16-й батальон ВДВ – 1 убитый, в строю 450 чел.

3-я егерская дружина – в строю 322 чел.

Отдельная танковая рота – в строю 82 чел., 7 танков «Т-80», 5 120-мм САУ «Вена», 2 203-мм САУ «Пион», 3 ЗСУ «Тунгуска».

1168 человек. Но и это – капля в море в случае чего... Стоп, а что это за убитый у десантников? Их не бомбили, не обстреливали... Не иначе, кто-то не выдержал и застрелился...

...И все-таки они держат город – против экспедиционного корпуса НАТО, насчитывающего не меньше сорока пяти тысяч активных штыков при поддержке солидного количества танков, артиллерии и авиации.

Бывший генерал вдребезги разбитой за первые три дня войны «нанотабуреточной» Российской армии Виктор Павлович Ромашов – руководитель обороны Воронежа – не мог понять, как, собственно, у них это получается? Да что там говорить – он не мог понять, как оказался в руководителях. Ему вспомнилось – заставленная сожженной техникой его дивизии дорога на Белгород, огонь, сотни обугленных трупов, воронки... И он – сидящий на подножке штабного «УАЗа» с пистолетом в руке. Не понимающий, почему налетевшие «Тандерболты» пожалели его – в насмешку, для издевательства, что ли? Раздумывающий, застрелиться сейчас или позже. А потом – какие-то люди в полувоенном, с нашивками на рукавах – большие черно-желто-белые угольники... Молодой парень в ярком берете, его слова: «Товарищ генерал, просим принять команду... Воронеж... опорный пункт... надежда остановить...»

Ромашов потрянул головой.

Противник... Генерал-лейтенант придвинул разрозненную грудку рапортов, написанных от руки. Странно, повторяется ситуация Великой Отечественной. Линия обороны на левобережье по Острогжской, Краснознаменной, Кольцовской улицам, Московскому проспекту – до Семилук, где польские части сумели три дня назад прижать защитников к водохранилищу. А правобережье все еще полностью в руках защитников – враги застряли вдоль болот по берегам Усманки и в город не вошли; выброшенный восемь дней назад в район ВоГРЭСовского моста десант венгерских парашютистов наконец-то добит в Кировском Доме культуры, где эти сволочи, надо сказать, очень храбро держали оборону все прошедшие дни... Ликвидацией занимались донцы, 4-я интернациональная рота и 7-я дружина народного ополчения. Пленных, почти как всегда, нет. Были, конечно, были. Но...

Генерал-лейтенант выругался и покачал головой. Даже допросить некого! Он сердито задвигал бумагами.

Северный мост взорван. Натовская авиация его берегла-берегла, а теперь мы же сами и взорвали – слишком близко поляки. Командир Дроздовского полка пишет: в ЦПКиО – пять стычек с разведпатрулями прибалтийской бригады. Это у него в стычках столько убитых – больше полусотни? Романов представил себе замкнутого, лощеного и отчаянно храброго полковника Кологривова. Его бойцы на полковника чуть ли не молились. «В прошлой жизни» полковник был директором лица. Но что делать, если профессиональные военные не смогли защитить страну – а он смог хотя бы собрать свой полк на пустом месте, вооружить, повести в бой и если не победить, то хоть не проиграть? Нет, разнос устраивать не будем...

Но какая солянка! Где они, эти американцы, с которыми мы воюем? Мы воюем с американцами, снова повторил про себя Ромашов и усмехнулся. Хрена... Прибалты, румыны, венгры, поляки, молдаване, хорваты, грузины, азербайджанцы, турки, украинцы (вот ужас-то где!!!). «Частные армии» из разных «агентств» со всего света. А американцы – в кабинах самолетов и вертушек, где-то в тылах у орудий, в штабах... Он и не видел ни одного, кроме тех, из делегации, десять дней назад предлагавших ему сдать город «во избежание дальнейшего бессмысленного кровопролития».

А его собственные защитники? Это тоже смех... Остатки регулярной армии – десантники, его «личная» мотопехота, собранная на той ужасной дороге, где погибла дивизия, которую он вел к Белгороду, подчиняясь последней полученной от начальства команде, больше похожей на истеричный вопль отчаяния, танкисты, артиллеристы... Менты и «чрезвычайка», которых организовали какие-то оптимисты-офицеры. Казаки – местные «ролевики» и выбитые с юга донцы и кубанцы. «Интернационалисты» – курды, армяне, украинцы, белорусы, абхазы, сербы, поляки – до двадцати национальностей, есть даже немцы из Германии и французы из Франции, есть даже бывший «настоящий» американский капитан!!! «ЧЗБ», «черно-золото-белые», бойцы самоорганизованного (Ромашов толком не понимал, кем и когда) Русского национального войска – дружинники, дроздовцы (кстати, почему дроздовцы – так и не ясно)², разведчики отряда «Солардъ»... Наконец – местные ополченцы, сбродно одетые, вооруженные всем подряд – от ППШ и охотничьих ружей до трофейных польских и венгерских «калашниковых» и «М16», под командой самовыводженцев, выбранных голосованием...

Если бы недавно кто-то сказал ему: будешь, генерал, командовать такой «армией» – он бы расхохотался.

А вот листок: «Переходы на нашу сторону». С ума сойти, устало подумал Ромашов. Там есть чокнутые, **с той стороны**, которые **переходят к нам**. Но это факт, и факт отрадный...

На окраине Подгорного – двое поляков, капрал и поручик. Сразу попросились в строй. В районе Новой Усмани, на дороге М4 – аж семнадцать украинцев-десантников, в том числе – три офицера. Сразу попросились в строй. Привели с собой скрученного польского майора-инструктора (ага, вот и пленный для допроса). На стадионе «Чайка» – пятеро украинцев из мотопехоты, один офицер. Сразу попросились в строй. На площади Черняховского – трое хорватов из спецназа. Сразу попросились в строй. Ого! Аж у дворца спорта «Кристалл» обнаружился неведь как туда пробравшийся швед (господи!!!) из подразделения «частной армии» «Блэкуотерс». Сказал по-русски: «Янки – говно», пояснил жестами, что он сапер, и попросился

² ДРОЗДОВСКИЙ, Михаил Гордеевич (1881–1919), российский генерал-майор (1918). В декабре 1917-го сформировал на Румынском фронте отряд, с которым прошел из Ясс через Украину к Ростову-на-Дону на соединение с Добровольческой армией; в ее составе командовал пехотной дивизией, получившей после его смерти название Дроздовской. В описанном мною варианте будущего элитные части добровольческого Русского национального войска носят те же названия, что и «именные» части Белой армии – каппелевцы, дроздовцы, марковцы и т. д., – и даже береты тех же цветов, какие имели полковые фуражки белых частей.

непременно к казакам. Анекдот, честное слово. Как он казаков-то жестами изображал, вот бы узнать... Но приобретение хорошее.

Итого – плюс двадцать восемь бойцов. Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Потери противника, как всегда, завышены. Если их считать, то окажется, что мы уже весь оккупационный корпус НАТО плюс миротворцев ООН под Воронежем положили. Всего по рапортам выходило не меньше трех тысяч убитых, но Ромашов, наученный опытом, решительно поделил это число на три. Порядка восьмисот – тысячи двухсот убитых натовцев. Если учесть, сколько у них техники и какое снаряжение – отличный результат. К одному из рапортов была приложена распечатанная на цветном принтере фотка, сделанная цифровиком (у них там где-то еще компьютер работает!) – Ромашов узнал воронежский цирк. Повсюду лежали убитые – навалом, местами кучами. На рукавах камуфляжей генерал-лейтенант различил хорватские клетчатые нашивки. Несколько ополченцев собирали оружие. На глаз убитых было не меньше сотни. Да-а, это уже документальное подтверждение.

Хорваты, подумал генерал-лейтенант. Славяне. Славяне... Славяне... Он взглянул в лицо молодого парнишки, лежащего на клумбе – боком, из живота через вспоротый французский жилет и немецкий камуфляж вывалились внутренности, ноги полуоторваны у бедер. На лице застыли ужас и боль, и Ромашов отбросил фотку к документам.

Техника. Сбит «Блэк хок», сбит «Тандерболт»... «Грифы» сожгли два «абрамса» и «Паладин»... Генерал-лейтенант из всех сил пытался заставить себя осознавать информацию, но понял, что не сможет. Четвертую ночь без сна – не сможет никак.

В городе все еще осталось около двухсот тысяч гражданского населения, в основном – женщины, дети, старики. Не работает канализация, водопровод, мало продуктов. Можно было бы мобилизовать немногочисленных оставшихся мужчин. Но где взять для них оружие?

По гражданским статистики нет. А ведь они гибнут каждый день – сотнями, наверное. Вчера – Ромашов сморщился – он видел, как две девочки, лет по девять-десять, – хоронили на клумбе, на пляже за Чернавским мостом, женщину. Выкопали мелкую ямку – и... Ромашов вспомнил, как одна из девочек посмотрела на него, вышедшего из машины. Пустыми, спокойными глазами. И вернулась к – кому? Сестре, подружке? Кого они хоронили? Сестру, мать? И как они будут жить дальше?

Господи... Что же с этим-то делать? Он не знал. Он мог еще защищать город, потому что это было его делом. Его профессией. Но как помочь его жителям – тем, кто не носил оружие – он не знал.

В засыпающем, измученном мозгу генерал-лейтенанта промелькнуло еще – а вроде бы кто-то... да, командир 7-й егерской, которая обороняется в районе гостиницы «Анта»... чез-эбэшник... как его фамилия? Известная, как того таможенника в «Белом солнце пустыни» звали... а, Верещагин! Этот Верещагин вроде бы подавал докладную сегодня – что-то как раз такое насчет гражданских...

Но сил у Ромашова больше не было. Когда через три минуты мальчишка-вестовой принес сводки радиоперехвата, генерал-лейтенант спал за столом – щекой на бумагах.

* * *

– Надсотник... надсотник... Олег Николаевич, проснитесь... просыпайтесь же...

Спящий на продавленной раскладушке в углу комнаты человек что-то пробормотал сквозь зубы и сел – с ожесточенным лицом. Отсветы керосиновой лампы, которую держал в руке невысокий белобрысый парнишка, склонившийся к раскладушке, сделали это лицо похожим на древнегреческую маску; коротко стриженные волосы блестели сединой.

– Олег Николаевич, – парнишка с лампой выпрямился. – Вы приказали разбудить, когда вернется разведка. И соберутся командиры сотен.

– Все живы? – на плечах камуфляжа рывком поднявшегося человека вздыбились мягкие черные погоны с продольной алой полосой и восьмиконечной звездочкой – знаками различия надсотника РНВ. Под левый погон был заткнут черный берет.

Надсотник Верещагин вжикнул молнией «тарзана», щелкнул ремнем, на котором выделялась большая деревянная кобура старого маузера, и, забросив на плечо «АК-103» с прилаженной «обувкой»³, коротко сказал своему вестовому:

– Пошли.

– Все живы, – ответил тот уже на ходу. Надсотник кивнул.

Двери в комнатке, где он спал – бывшей щитовой гостиницы, – давно не было. В довольно широком подземном коридоре в нескольких местах прямо на полу горели костры, сидели и лежали вооруженные люди, слышался негромкий разговор и даже песня:

Берега, берега...
Берег этот и тот...
Между ними река
нашей жизни...

Песня была из прошлой жизни, кончившейся всего три недели назад, но казавшейся чем-то древним, как история первобытного общества.

Надсотник на ходу кому-то кивал, кому-то улыбался, кому-то бросал пару слов. Он делал это не для игры и не по обязанности. Просто... а что – «просто», он бы не взялся объяснить даже за полный цинк патронов. Но, вглядываясь в лица дружинников, он ощущал одно чувство – **единство** с ними. И с теми ста с небольшим, что еще оставались в строю. И с теми шестью десятками, которые сейчас лежали в госпитале на правом берегу, на Ростовской. И с теми полутора сотнями, которых больше не было... но странным образом они **были**. Были здесь. С живыми.

Большинство дружинников – молодые крепкие мужики по двадцать пять – тридцать пять лет. Но мелькали лица восемнадцати-, двадцатилетних, тех, кому уже перевалило за сорок (и даже сильно), а иногда – мальчишеские физиономии пятнадцати-, шестнадцатилетних. Это все были его бойцы. Ни убавить ни прибавить.

– Прибавить я бы не отказался, – пробормотал он, поворачивая на лестницу.

– Что? – спросил вестовой.

– Ничего, Паш, это я так, – мягко ответил надсотник. Помедлил и спросил: – Паш... Ты не жалеешь, что увязался со мной?

– Нет, – коротко ответил вестовой.

Надземные полуразрушенные этажи гостиницы в предутренний час караулили только пулеметчики и снайперы, лежавшие неподвижно в своих гнездах – там, где отсвет многочисленных пожаров надежно ослеплял вражеские приборы ночного видения. Белорусский «батька» Вукашенко, по-тихому немало сделавший для формирования и оснащения РНВ, не поскупился – войско было хорошо вооружено. В дружине были три 82-миллиметровых миномета, двенадцать «Утесов», столько же «АГС-30». Правда – это было в начале боев. Сейчас миномет оставался один, «Утесов» – десять (хотя враги за ними охотились специально и упорно – их пули поджигали даже БМП), гранатометов – семь. И ко всему этому – все меньше и меньше боеприпасов. Правда, в сотне были теперь еще трофейные «Браунинг» и «Мк-19».

Около одного из снайперов Верещагин присел – в стороне от пролома, который миновал, привычно пригнувшись. Снаружи пахло гарью, тленом, взрывчаткой.

– Что там? – спросил он.

³ Подствольный гранатомет «ГП-30».

Снайпер был одним из тех, кто просматривал Елецкую дорогу. Оттуда могли прийти поляки – если части, держащие оборону вдоль водохранилища, не выдержат натиска.

– Тихо, – буркнул, не двигаясь, боец.

Компьютерный центр гостиницы уцелел чудом. Уцелел даже автономный генератор, но машины уже давно никто не запускал, а генератор переключили на фельшпункт в подвале, чтобы хотя бы там можно было дать нормальное освещение. На стульях-вертушках сидели трое офицеров, командиры сотен – сотник Земцов, подсотник Басаргин и сменивший недавно убитого командира второй сотни Демидова надурядник Климов, командир разведчиков. На сухом горючем кипел котелок с чаем, лежали рассыпанные галеты.

Поприветствовав командира кивками и взмахами рук, офицеры дождались, пока он усядется на стул, вытянув ноги. Земцов передал Верещагину никелированную кружку с чаем.

– Я слушаю, – буркнул надсотник.

– В общем, так, – невысокий, широкоплечий, бритый наголо Климов был, как всегда в мирной обстановке, нетороплив. – В районе Ксюшкиной церкви – никого. На бульваре Победы, на Жукова – пусто. Отошли. А вот на Невского стоят «Паладины». Двенадцать штук... – Он засмеялся, как будто говорил что-то веселое. – С самоходками штатовские морпехи. Настоящие. Улица Шестидесятой армии забита поляками. Штурмовые группы в полной готовности.

– Так, – сказал Земцов, тоже невысокий и крепкий, но белобрысый, с густой короткой бородой и длинными усами. – Вот и подарок.

– Пашка, – Верещагин повернулся к вестовому. – Садись на скутер. Дуй в «Буран». Ромашову скажи – с рассветом нас атакуют. Пусть подкинет огонька по Невского, по Шестидесятой армии... если прийдет хотя бы одну «Шилку» – будет великолепно.

– Не прийдет, – сказал высокий, кавалергардски изящный, чисто выбритый Басаргин. – Скажет – одна уже есть.

– Дуй и проси, что я сказал, – повысил голос Верещагин, и вестовой выбежал в коридор.

Офицеры какое-то время молча пили чай, слушая, как где-то на юге то разгорается, то затихает бой.

– Опять на ВоГРЭСовский мост ломаются, – сказал Земцов. Поставил пустую кружку, с сожалением вздохнул. – Ладно, пойду к своим.

– Угу, – кивнул Верещагин. – Клим, иди тоже, поспи.

– И то дело, – согласился надурядник, ловко закидывая за спину «Сайгу» двенадцатого калибра, а «АКМС» со сложенным прикладом беря в руку.

Басаргин, облокотясь на компьютерный столик, играл златоустовским «Бекасом» – нож порхал над пальцами, крутился между ними... Верещагин долго и бездумно следил за движением ножа. На юге стали бить орудия.

– «Спруты», стодвадцатипятимиллиметровки, – сказал Басаргин и с размаху убрал нож в ножны. – Отобьются... Хорошо, что склады тут медведы наши дрессированные не успели ликвидировать.

– Хорошо, – согласился надсотник. – Слушай, Басс... а ты не чувствуешь себя мерзавцем?

– Чувствую, – сердито ответил подсотник. – Чувствую за то, что ничего не сделал, чтобы прекратить этот бардак несколько лет назад. Сидел и мечтал, что само рассосется, как та беременная малолетка из анекдота.

– Я не об этом...

– Я знаю, о чем ты. Самоед ты, Олег.

– Самоед? – усмехнулся командир дружины.

– Самоед. Сам себя ешь. Ты же этой войны хотел. Ты вообще ее последним шансом называл!

– Называл? – снова задал вопрос надсотник.

– Перестань за мной повторять! – разозлился Басаргин и встал. Шевровые сапоги, которые он носил вместо берцев, как у большинства дружинников, скрипнули зло. – Я отлично знаю, что ты сейчас будешь делать! Вместо того чтобы пойти и поспать еще пару часов, ты сейчас пойдешь шататься по окрестным подвалам! Тешить свою мятушуюся душу! И кончится тем, что тебя грохнет какой-нибудь морпех-снайпер! Чего ты смеешься?! – У Верещагина и правда вздрагивала губа, а в глазах зажглись веселые искорки. – Чего ты смеешься, долдон?!

– Мятушуюся душу – это хорошо, – сказал надсотник и захохотал в голос.

Секунду казалось, что Басаргин сейчас бросится на него. Но вдруг тот махнул рукой и засмеялся тоже.

– Ты всегда был кретином, – заключил он. – Ну ладно. Я пойду тоже.

Выходя, он задержался, крепко хлопнул командира по плечу и сказал:

– Мы их сделаем. В конце концов мы их сделаем, и не важно, что будет с тобой и со мной.

* * *

В одном Игорь Басаргин ошибался.

Верещагин не собирался тешить мятушуюся душу. Он и сам не знал, почему снова и снова с таким упорством обходит подвалы окрестных домов, в которых жили – существовали, вымирали – тысячи «гражданских», как называл их генерал-лейтенант Ромашов.

В такие минуты надсотник чувствовал себя бесконечно усталым и тяжело виноватым.

Басаргин был прав. Он – Верещагин – хотел войны. Хотел, потому что верил тогда и продолжал верить сейчас, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Но эти люди... Когда он появлялся среди них, то приходили усталость и вина. Ведь у всех у них до войны была **жизнь**. И дело не в том, жили они в блочных домах или в элитных особняках, ели на обед пищу или ресторанные изыски. Просто – была жизнь, устоявшаяся, понятная, со школами для детей, медицинскими полисами, телевизором, какими-то радостями и достижениями, какими-то мечтами и желаниями. Они и тогда постепенно и неуклонно вымирали, но хотя бы не слишком замечали этот процесс, и тот не был таким уж болезненным...

Он презирал их мечты и желания, презирал эти радости и достижения, потому что совершенно точно знал – это все хлев. Хлев, хлев, хлев... Но эти-то люди были довольны такой жизнью! И сейчас, встречаясь с ними взглядом, он не мог отделаться от мысли, что они проклинают его, отнявшего все это. Ведь и телевизор, и полисы, и школы – все это осталось бы и в подмандатных зонах, и в лимитрофных государствах, на которые собирались поделить Россию ООН и НАТО. А такие, как он – не очень-то и многочисленные! – встали на дыбы. И вместо мирного раздела, мирной оккупации – то, что есть сейчас...

Нет, думал он, пробираясь развалинами. Это не вторая Великая Отечественная, не случилось у нас Великой Отечественной. Большинство просто боится и прячется в подвалах, покорно умирая. Боятся тех, кто бомбит и обстреливает. И его боятся тоже – потому что он, не такой сильный, как оккупанты, все-таки ближе, чем они, и тоже может выстрелить. Нет народа-великана. Есть процентов пять фанатиков, которым повезло неплохо вооружиться и худо-бедно самоорганизоваться. И есть **остальные**. Покорно ждущие, кто победит. И даже не понимающие, из-за чего началась война.

Но что он может поделать с собой, если ему их жалко?!

Лазить по развалинам в самом деле было опасно. Но надсотник почему-то был уверен, что его не убьют в эти моменты. Вот именно в эти – не убьют.

В воронке от «Томагавка» лежали трупы поляков. Много, не меньше шестидесяти. Их туда стащили после вчерашнего боя. Около ямы порывивали и урчали несколько собак. И суетились среди трупов крысы. Крыс и собак пока еще не едят (по крайней мере – явно). Пока

еще есть какие-то запасы, а у кого нет – можно добыть. Просто трудно представить, как начинен долгохранящейся едой современный город. Главное достижение цивилизации...

Изощренный инстинкт вдруг засигналил – опасно!!! Верещагин быстрым и одновременно плавным движением присел – и слился с развалинами. И через пару секунд уловил приближение двух человек – они тоже пробирались по развалинам с запада.

В правой руке надсотника появился длинный прямой нож. Зачем шуметь? Мы не будем шуметь. Если это вражеские разведчики и их всего двое – одного порежем, а другого... ну что ж, будет язык. Как получится, в общем.

Но уже через полминуты надсотник расслабился. Около ямы появились двое мальчишек. Лет по тринадцать-четырнадцать, высокие, худые, одетые в потрепанное барахло, бывшее когда-то модным. Модное – из тех времен, когда это слово имело смысл. Из прошлого времени, из древности – о боги! – **месячной давности!** Когда эти мальчишки ходили в школу, гоняли игрушки на компах... что еще они делали? Да много чего они делали и не думали, не могли подумать, что...

У мальчишек были рюкзаки – обычные школьные рюкзаки, тяжелые, судя по всему. Они опустили их на землю, встали, широко расставив ноги, на краю ямы, начали сосредоточенно мочиться. Один что-то сказал, второй хихикнул. И в тот момент, когда они застегивались, Верещагин встал.

Мальчишки шарахнулись. Но тут же обмякли – узнали командира дружинников. Один из них – пониже ростом, светленький – даже вежливо сказал:

– Здравствуйте...

– И вам того же, – кивнул Верещагин, подходя. Мальчишки смотрели на него, а он не мог вспомнить, видел их раньше или нет. И, чтобы они не уходили (страшно не хотелось этого!), спросил, кивая на рюкзаки: – Что там?

– Консервы, еда вообще, – сказал светленький.

– Откуда? – поинтересовался надсотник.

Второй мальчишка мотнул головой неопределенно:

– Да... вон там, в магазине... там еще много...

– На той стороне? – спросил Верещагин. Мальчишки уставились под ноги. – Убьют же.

– Не, мы местные, мы тут все хорошо знаем, – ответил светленький беспечно. Помедлил, нагнулся, достал из рюкзака блок «Мальборо». – Вот, возьмите...

– Димон... – зашипел его приятель.

Надсотник улыбнулся:

– Спасибо, я не курю...

– Ну, отдадите кому-нибудь, – настаивал мальчишка.

Верещагин помедлил. И – взял блок.

– Отдам, – пообещал он мальчишкам.

Пионеры

– Чего ты ему отдал? – недовольно спросил Влад, ныряя в обрушенный коридор. – А наши чего курить будут?

– Не ной, там еще есть, – Димка Медведев на ходу содрал обертку с шоколадки. – Всем хватит... Значит, половину хавчика отдаем мелким и женщинам. Остальное делим, как всегда?

– Угу... погоди, – Влад достал сигарету, зачиркал спичками, с наслаждением закурил. – Пхххх... Хоть отожремся. Знаешь, я думал – все отберет.

– Кто? – не понял Димка, жуя.

– Кто-кто... Этот. Дружинник.

– Да ладно тебе... Много они у нас отбирали?

– Я бы хрен отдал, – Влад продемонстрировал «браунинг». – Смотри. Там подобрал. И патронов набрал.

– Можно бы и еще притащить... – задумчиво сказал Димка. Проглотил шоколад.

– Да у всех уже есть почти, зачем еще-то? – не понял Влад.

– Да так, – неопределенно ответил Димка, бросая скомканную обертку в темноту. – Так просто. Потащили.

* * *

Димка проснулся оттого, что его вызвали к доске на физике. Он не знал темы и открыл глаза почти с облегчением.

В школьном подвале было темно. Но не совсем. И тихо. Но не совсем. Тут никогда ничего не бывало «совсем». Обязательно горел какой-то костерок, обязательно хныкал кто-то из младших или кто-то где-то разговаривал. Обязательно доносились снаружи выстрелы, взрывы... Правда, сейчас наверху было почти тихо. Но Димка уже хорошо знал, что это означает лишь одно: скоро атака на этом участке.

Мальчишки – почти все здешние, знавшие друг друга еще по школе – спали в своем углу на набросанных одеялах. Димка сел. Огляделся.

Мама – совсем недалеко, за ящиками, на которых горела керосиновая лампа – чинила его куртку. И плакала. Она плакала каждый раз, когда подходила его очередь идти за продуктами. И потом, когда он возвращался.

Димка почувствовал, как к глазам откуда-то изнутри тоже подступили слезы. Сердито шмыгнул носом. Дурацкий характер, девчоночий характер.

Хорошо, что мама жива. Если честно, он до сих пор не мог толком осознать, что большинство его одноклассников – и вообще ребят из школы – потеряли родителей. Да и от самих ребят и девчонок осталась едва пятая часть. Мама часто жаловалась, что они не среагировали вовремя, не выбрались из города. А Димка иногда думал – что бы они стали делать там? Тут – тут ему давно не было страшно. И даже как-то привычно.

Мать перестала шить, о чем-то зашептала с молодой женщиной, укачивающей на руках ребенка. Женщину Димка не знал. Она была нездешняя, а в подвале собралось человек двести, не меньше. Самых разных людей. Отовсюду.

Спать уже не хотелось. Наверху наступало утро. Димка вспомнил, как позавчера пролез через обрушившуюся на первом этаже стену в комнату, которая, сколько он себя помнил, всегда была заперта на всякий замок. В школе о содержимом комнаты ходили легенды. Самые разные. А на самом деле это оказался просто склад. Димка сперва даже разочаровался. На столах и шкафах лежали и стояли какие-то коробки, серые от пыли. Барабаны, горны с красными выпелами. Высились – стопками и россыпью – книги, журналы, брошюры. Присмотревшись,

мальчишка понял, что попал в комнату, где в начале 90-х – когда его еще и на свете не было – сложили предметы, имевшие отношение к пионерской организации. Почему-то не выкинули, то ли пожалели, то ли побоялись... О пионерах Димка почти ничего не знал, но при виде книг вспомнил вдруг, что любил читать. Дома была хорошая библиотека. Пока он был – дом.

Он порылся в книгах. С удовольствием, откладывая то одну, то другую. Потом его позвал Влад, он заторопился, схватил первую попавшуюся книгу и в подвале сунул ее под подушку. Потом они пошли за продуктами...

Мальчишка сунул руку под подушку. Книга была толстой, старой, растрепанной, в невзрачной коричневатой обложке; вот же обложки были тогда, кто на такую клюнет-то?! Димка присмотрелся – отсветов лампы хватило, чтобы понять: на обложке нарисован красный галстук и написано большими буквами: «О ВАС, РЕБЯТА!» Авторы – какие-то Власов и Млодик.

Сперва он хотел подсесть к ящикам, но мама наверняка начала бы жалеть его, говорить, а Димке сейчас не хотелось этого. Наклонившись так, чтобы было удобнее (сосед, Пашка Бессонов, пробормотал: «Ты чего толкаешься?..»), он открыл первую страницу.

Если бы кто-то последил за читающим мальчишкой со стороны, то, наверное, удивился бы. Во-первых, Димка читал быстро. А во-вторых, его лицо в это время отражало все чувства. Он то хмурил брови непонимающе или сочувственно. То шевелили губами. То улыбался. То пожимал плечом. Через какое-то время отложил книгу (прочитанную уже на треть), потер глаза и, решительно поднявшись, подошел к матери, обойдя по дороге несколько тридцатилитровых канистр с бензином.

– Ты не спишь? – женщина улыбнулась, поцеловала наклонившегося к ней сына. – Добытчик... А я тебе куртку зашила.

Сейчас у нее было хорошее настроение. Это было ужасно и противоестественно, но – хорошее. Ее мальчик вернулся, снова идти его очередь настанет не скоро, наверху не стреляют...

– Ма, – вдруг спросил Димка. – Ты была пионеркой?

Она не успела ответить на этот странный вопрос.

Наверху разорвался первый 6,2-дюймовый снаряд «Паладина».

* * *

Брошенная снаружи граната с железным визгом отлетела обратно, спружинив о прислоненную к оконному проему кроватьную сетку. Хлопнул взрыв.

– Утритесь, долбо...бы! – с хохотом крикнул пулеметчик и снова прилип к прорезному прикладу ПКМ.

Штурмовые группы упрямо пробирались по развалинам все ближе и ближе к полуразрушенной школе, где сотня Басаргина – меньше четырех десятков человек – держала оборону уже полчаса. Казавшиеся громоздкими, но быстрые фигуры в глубоких касках, жилетах с высокими воротами и с почти родными «калашами» в руках мелькали то тут, то там. По оконным проемам и дырам в стенах били «Браунинги» и несколько ракетных комплексов, снаряженных боеприпасами объемного взрыва, попадания которых разваливали целые комнаты. Если бы дружинники не меняли места, постоянно передвигаясь через дыры в стенах и полах, то от защитников давным-давно никого не осталось бы...

Басаргин дал в окно короткую очередь, быстро перекатился кувырком к следующему. Видно было, как поляки застряли на установленных метрах в двадцати от дома ПОМЗах и МОНах, соединенных между собой растяжками. Тут и там хлопнули несколько взрывов. Саперы штурмовиков в лихорадочном темпе снимали растяжки, в то время как их товарищи вели шквальный огонь по дому, наверное, проклиная тех, кто додумался начать атаку без

артиллерийского или воздушного обстрела – в надежде на «фактор внезапности». Сейчас этот фактор оборачивался тем, что то тут, то там штурмовик тыкался бронестеклом американского шлема в щебень, в пыль, в асфальт. Дружинники давно почти не пользовались калибром 5,45 – «батька» озаботился добычей «стволов» под проверенный 7,62 – не такие скоростные, но более тяжелые пули пробивали навывлет и снаряжение, и кевлар жилетов, и керамические вкладыши – и, пройдя почти насквозь, ударяли в жилет на спине изнутри, рикошетиrowали, делали в теле человека еще два-три «броска», превращая почти любое ранение в смертельное.

Но Басаргин видел наметанным глазом – поляки не повернут. Слева от подсотника упал гранатометчик – парню снесло голову пулей «Браунинга». Басаргин подхватил «ГМ-94», забросив автомат на спину. Опять выглянул. Прорвались, прогрызлись... Тут и там штурмовики бежали к школе, низко пригнувшись и строча на ходу. А следом улицы...

– Мать! – вырвалось у Басаргина.

Это были «Паладины» – те, о которых говорил Климов на утреннем совещании. Огромные, выкрашенные в черный цвет стопятидесятипятимиллиметровые самоходки. Каждую впереди сопровождала «Брэдли». А по флангам каждой бронепары мелькали пятнистые фигуры – похожие на поляков, но чем-то отличные... морпехи!

– Очистить нижний этаж! – заорал Басаргин командиру первой полусотни надуряднику Прохорову. – Всем вверх, держать лестницы!

– Есть, понял! – Прохоров метнулся по коридору – и в тот же момент первый снаряд «Паладина» ударил прямиком в школу.

– Твою ж... – зарычал подсотник. Теперь он не мог командовать, не имело смысла – теперь он мог только драться, как простой боец.

Бросившись к окну, он выхватил из кармана отшлифованную металлическую пластинку, поймал солнечный луч, пустил в ход ладонь, закрывая-открывая импровизированный гелиограф в сторону гостиницы:

Пишки на нижнем этаже. Их поддерживают три «Паладина», столько же «Брэдли», до взвода морпехов США. Держу верхние этажи.

Напряженно вглядываясь, он увидел ответ буквально через пару секунд:

Не дайте подойти бронетехнике. Отрежьте ее от пехоты, заставьте остановиться. Пехоту заманивайте на первый этаж всю.

– Мать! – повторил Басаргин. И заорал, перекрывая рев и грохот: – Гранатометчики, ко мне!

Предвидя что-то такое, он держал гранатометчиков с «Громами» в резерве. По штату в сотне была дюжина РПГ и до черта одноразовых «Мух». Но оставалось всего четыре расчета, поэтому Басаргин заранее раздал по две «Мухи» пятерым лучшим стрелкам.

Собрав отряд вокруг себя, подсотник, сидя под стеной, ткнул в пол:

– Слышите?! Поляки внизу! Прорвемся через черный ход и подожжем броню, иначе они под ее крышей похоронят всю оборону! Всем все ясно? – он обвел лица бойцов взглядом. – За мной! За Русь, мужики!

Это не было просто словами или голым лозунгом. Не сейчас и не здесь...

...Они вбежали в глухой коридор, как раз когда двое здоровенных капралов с белыми орлами на рукавах приканчивали выстрелами в упор последнего из двоих прикрывавших это направление дружинников. В два окна лезли еще жолнеры. Басаргин заорал: «Твою так, бей их!» – выстрелил из гранатомета, уныло взвизгнула картечь, один из капралов охнул, осел. Тяжело чокая о бетон, полетели ручные гранаты, взрываясь оранжевыми вспышками. Вскочивший на подоконник гранатометчик-дружинник мешком упал наружу, следом тоже полетели гранаты. Оглушенный, озверевший, подсотник выскочил наружу, упал прямо на корчащегося поляка, изуродованного гранатным взрывом, не удержался на ногах, получил удар прикладом в голову, от которого закрылся рукой – локоть хрустнул, жолнер замахнулся снова... Басар-

гин пнул его (ххэк!) ногой в пах, закрытый бронефартуком, поляк зарычал, сгибаясь, и соскочивший следом Жорка Малышкин несколько раз ткнул его сверху в шею, за воротник, штык-ножом. Плюясь кровью, жолнер обернулся, навалился на гранатометчика, валил. Двое поляков убегали по развалинам куда-то в сторону, один отбивался автоматом от дружинников. Генька-цыган, сидя на груди лежащего офицера, рубил его по лицу и по рукам, которыми он заслонялся, саперкой – летели брызги. Двое дружинников, закинув гранатометы за спину, стреляли в бегущих очередями, но промахивались, и те так и канули куда-то в развалины.

– Все?! – прохрипел Басаргин, поднимаясь, – рука не слушалась. – Сколько?!

Убит был только один – Макс Сиварев, тот, который не вовремя вскочил на подоконник. Убитых поляков считать было некогда, своих раненых – тоже; все держались на ногах.

– За мной! – подсотник сам не понимал, почему из горла лезет один хрип, что случилось с голосом. – Ползком, вперед!..

...«Паладины» не спешили приближаться. Раскачиваясь на гусеницах, они расстреливали гостиницу, стреляя мимо школы. Острые хоботки скорострелок «Брэдли» тоже дергались очередями.

Басаргин знал по опыту, что артиллерийский обстрел не так страшен, как может показаться. До тех пор, пока здание держится. Но, как только будет нарушена конструкция, оно просто сложится, как карточный домик. Сейчас у «Паладинов» позиция была неудобной. Но как только школа падет, они обойдут ее, не опасаясь быть сожженными сверху, выйдут на прямую наводку и расстреляют гостиницу за полчаса. А скорострелки БМП и стволы морпехов не дадут подойти близко контратакующим. Шанс был только сейчас – в относительной узости, пока янки не подозревают, что враг рядом, что враг подобрался...

– Все, мужики, – захрипел подсотник. – Или сожжем их на хер – или сами тут ляжем. Пошли.

Пластаясь между развалин по щебню, они поползли – впереди с «Мухами», следом – расчеты «Громов». Рука Басаргина не работала, он оставил гранатомет, намотал ремень «калаша» на локоть целой, чтобы стрелять с одной.

Двое дружинников буквально свалились на расчет «М60», устроившийся в воронке – янки прозевали. В воронке началась азартная короткая возня. Когда подполз Басаргин, оба морпеха лежали около пулемета, изрезанные ножами до неузнаваемости, а его ребята уже подбирались к первой БМП. Задние дверцы были открыты, сидевший там огромный негр что-то кричал в микрофон закрепленной на стенке рации. При виде русских он выкатил глаза и выдохнул хрестоматийное:

– Ш-шит...

– Ху! – подскочивший ближе дружинник впечатал приклад в лоб под каску. Изнутри, из БМП, что-то спросили. – Не понимаю я по-вашему, б...я, плохо учился, – сообщил дружинник, бросая внутрь «лимонку» и откатываясь в сторону.

Рвануло, подскочили выбитые люки...

– Ай-иии!

– Гранатометы, огонь! – прохрипел Басаргин, падая за гусеницу уничтоженной машины. – Огонь, огонь, мужики!

И сам начал стрелять – неприцельно, веером, просто в пятнистые спины, выпяченные ребрами бронежилетов – совсем близко, возле других машин...

...Димка не знал, от чегоглохнуть – от рева снаружи или от криков в подвале. Люди, казалось, обезумели от страха. Такого не было еще ни разу. Прямо напротив входа остановилась огромная черная машина – «Паладин». Качаясь на гусеницах, она редко стреляла – после каждого выстрела на щебень со звоном летела здоровенная дымящаяся гильза, а в подвале поднималась новая волна крика. Кричали женщины, кричали дети, кричали немногочисленные мужчины... Тогда один из двух спустившихся в подвал и залегших у входа солдат поворачивал

ожесточенное, грязное лицо и тоже что-то кричал, тыча в сторону людей стволом винтовки – непонятно, яростно... Эти двое лежали совсем близко от прижавшихся к стене мальчишек. А отползти было страшно – казалось, что стоит пошевелиться, как американцы начнут стрелять в людей. Умом Димка понимал, что это не так, что они просто прикрывают самоходку. Но ничего с собой не мог поделать и сидел как прикованный.

– Мальчик... – услышал Димка шепот и повернулся. Но позвали не его, а замершего рядом Влада – звал подошедший вдоль стены лысый старик, Димка не знал, кто это такой и как его зовут. – Мальчик... – старик нагнулся. – Я видел, у тебя пистолет. Дай, пожалуйста.

Помертвев, Димка видел – как в жутком, кошмарном, тягучем сне – руку Влада. Он подал «браунинг» старику. Довершая абсурд, старик сказал: «Спасибо», – снял оружие с предохранителя, неожиданно легко и быстро сделал оставшиеся пять шагов и в упор выстрелил в затылок одному из американцев – под каску. Из лба у того ударило алое, он ткнулся в порог и задергался. Старик выстрелил во второго – точно так же... но тот успел перевернуться на спину и получил пулю в лоб, сам судорожно нажав на спуск «М16».

Лысого старика – он так и не выпустил пистолет – отшвырнуло прямо к истошно заоравшим мальчишкам, буквально вмазавшимся в стену подвала.

Старик привстал на затылке и каблуках. Стиснул грудь, сказал: «Х...» – и обмяк. Его лицо как будто стекло к вискам и стало полудетским.

А дальше Димка помнил плохо.

Он почему-то оказался около канистр с бензином и сильно оттолкнул маму (как он мог такое сделать?!). Он совершенно не понимал, что делает – и в то же время понимал совершенно отчетливо. Потом он был снаружи и тащил тяжеленную канистру за неудобные «ушки» на башню «Паладина». Вокруг был день, вокруг была смерть, а над головой – прозрачное-прозрачное голубое, почти белое небо. И совсем рядом горела еще одна машина – меньше, зеленая, не черная – и сидел человек без ног, смотревший на Димку невидящими глазами. Мальчишка установил канистру на башне возле люка и пробил несколькими ударами куса арматуры. Бензин потек желтоватыми резко пахнущими струйками. Люк открылся. Выснулась круглая голова с большими черными глазами (оказывается, там не люди, оказывается, эти жуткие машины водят муравьи или кто-то вроде!) и сказала:

– О май год... бой... вотс ю дуинг?

Потом муравей достал пистолет, и Димка, столкнув на него – в люк – все еще очень тяжелую, брызжущую бензином канистру, скатился с машины, доставая коробок спичек. Зажег разом все головки. Внутри машины закричали на несколько голосов, и Димка, бросив комок огня на броню, изо всех сил прыгнул обратно в подвал. Сжался на полу между трупов американцев и старика.

Снаружи ухнуло пламя.

И только тогда он начал понимать происходящее.

Его вырвало – дугой, фонтаном, на пол и стену...

...Подошедшая сотня во главе с самим Верещагиным добила поляков на первом этаже. Трупы лежали на полу и лестницах. Одной паре – «Паладину» и «Брэдли» – удалось отойти. Но только одной. Две БМП и одну самоходку сожгли гранатометчики Басаргина. Еще один «Паладин» сгорел по причине, остававшейся непонятной, пока кто-то из дружинников не рассказал надсотнику о том, что видел из окна.

Верещагин спустился в подвал. Люди подались от него в стороны, но белобрысый худенький мальчишка, навзрыд плакавший в объятиях какой-то женщины, остался сидеть на месте.

Надсотник тяжело сел на самодельный топчан. Стащил берет и вытер им лицо. И только после этого узнал мальчика.

– А, добытчик, – сказал он. – Димон, кажется?

Зареванный мальчишка несмело поднял голову. Посмотрел, часто моргая, на сидящего офицера. И вдруг улыбнулся – несмело:

– Это вы...

– Я, – кивнул надсотник. – Разрешите? – он отстранил руки женщины, которая смотрела на него со страхом. И притянул мальчишку к себе. Димка дернулся, но не стал вырываться и обмяк. Тихо, еле слышно сказал:

– Я правда... я это сделал?

– Да, – сказал надсотник. – Ты. Люди видели. Она почти вышла на прямую наводку. Если бы не ты – может быть, меня бы сейчас уже не было. Может быть, уже никого из нас не было бы. Ты хоть понимаешь... – он отстранил мальчика, – понимаешь, что ты герой?

– Уходите, пожалуйста, уходите... – начала женщина, но Димка неожиданно сказал жестко:

– Не надо, мама. Пожалуйста, помолчи, – и, отстранившись, повернулся к офицеру. – Я не знаю, – смущенно сказал он. – Я ничего не помню. Я просто...

И, не договорив, пожал плечами.

* * *

Басаргин молча опустил бинокль. Его породистое лицо было каменным.

– Да, это наши, – сказал он безразлично.

Верещагин, стоявший чуть дальше от пролома – чтобы не выдали блики на линзах, – поднял свой небольшой «Таско», купленный еще в мирное время. Четырехкратный, не такой мощный, как у Басаргина, бинокль, тем не менее, безотказно приблизил развалины церкви Ксении.

Четыре обнаженных, полуобугленных трупа были распяты на обломках обычных электрических столбов – головами вниз. Между двумя средними распятыми стоял фанерный лист с кощунственно выглядевшей надписью по-русски:

...ОБО МНЕ РАДУЕТСЯ ОБРАДОВАННАЯ ВСЯКАЯ ТВАРЬ...

РАДУЙТЕСЬ, РУССКИЕ ТВАРИ!!!

– Клим, – пробормотал Верещагин, глядя в лицо крайнего слева. Почти неузнаваемое, оно все-таки принадлежало надуряднику Климову. Остальных опознавать и не требовалось – несомненно, это были его разведчики. – Клим, Клим, как же ты так... как же ты так... неудачно-то?

– Удачно или неудачно – но разведка сорвалась, – Земцов терзал свою коротко стриженную бороду. – Командир, слышишь? Олег, да опусти ты бинокль!

Верещагин опустил бинокль, сунул его в чехол. Повернул к своим друзьям злое лицо.

– Я слышу, – сказал он. – Разведка сорвалась. Не глухой... и не слепой.

– Что будем делать? – поинтересовался Басаргин. – Между прочим, они наших заминировали, я проводки вижу...

– Что делать? – зло спросил Верещагин. – Ничего. Ночью сам пойду, ясно?!

– Х...я ты пойдешь, – усмехнулся Земцов. – Клим в десять раз ловчее тебя был, и вот...

– Я сказал – пойду, значит – пойду! – заорал командир.

– Х...я пойдешь, – непоколебимо сказал Земцов. – А будешь дурью маяться – скрутим. Ты командир, твое дело...

– Мое дело – людей на смерть посылать? – приходя в состояние холодного ехидства, поинтересовался Верещагин.

Но Сергей был невозмутим:

– И это тоже. Но основное – думать. Так что думай.

Неизвестно, что ответил бы разозленный надсотник. Но все трое офицеров именно в этот момент услышали голос – не с неба, а от входа:

– Можно... можно я пойду?

Мужчины обернулись, и мальчишка, на котором скрестились их взгляды, явно оробел. Но от этого только стал напористей, и в голосе его явно прозвучал вызов:

– Давайте я пойду!

– А, это ты, Димка, – кивнул Верещагин. – Не шатайся днем по этажам, с ума сошел, что ли?

– Я могу пойти, – повторил мальчишка упрямо. – Вы же сами говорили, что я...

– Говорил, – сердито оборвал его Верещагин. – И сейчас скажу, что без тебя сотню Игоря смяли бы. Но это одно дело. А другое – послать тебя...

– Вы меня не посылаете, я сам иду, – быстро возразил мальчишка и мотнул светлым чубом. – Ну это же мой район, я тут все знаю!

– Слушай... – начал Верещагин.

Но Земцов молчал, теребя бороду. А Басаргин вдруг сказал:

– А это выход.

– Выход?! – надсотник посмотрел на них. – Ну ладно бы я. У меня нет детей. Но вас-то обоих – вас же дети дома ждут! Так как же можно...

– А Клима не ждали, – напомнил Басаргин.

Верещагин выругался. Жена Климова и его младший сын Никитка погибли при бомбежке колонны беженцев. Старший – приемный – сын Юрка пропал без вести немного раньше.

– Я могу, – напористо-неистово сказал мальчишка, сжимая кулаки и весь подаваясь вперед. – Ну я же правда могу, а вы не можете. Я схожу и вернусь. Вы мне только объясните, что нужно узнать. Я могу! – Голос его стал умоляющим.

– Олег... – начал Басаргин.

Верещагин оборвал его:

– Помолчи, ради всего святого.

Теперь молчали все.

– Зачем тебе это нужно? – спросил Верещагин. – Объясни.

– Зачем?! – начал Димка агрессивно. И – захлебнулся. Беспомощно хлопнул глазами. Офицеры ждали. На ресницах у мальчишки появились капли, губы задрожали. – Я могу... – прошептал он и уронил голову.

– Ясно, – сказал надсотник. – Пошли. Будем говорить.

* * *

Пашка Бессонов согласился идти сразу. Димку не очень интересовало – почему, просто внезапно ему стало жутко идти одному. Он почти пожалел о своем решении – и, будь возможность повернуть время, наверное, не высунулся бы в комнату, где стояли офицеры. Но теперь отступить было некуда, и Димка нашел компромисс – страшно обрадовавшись, когда Пашка сказал: «Конечно, пошли!»

А вот Влад сперва выпучил глаза, а потом насмешливо сказал:

– Ну ты даешь.

– А что тут такого? – спросил Димка.

Они стояли у выхода из подвала и говорили тихо. Но Влад своему тихому голосу ухитрился придать незабываемые и разнообразные оттенки ехидства:

– А то, что ты баран без башни.

– Мы же туда сто раз ползали.

– За жрачкой. А не чтобы в пионеров-героев поиграть.

Димка вспыхнул. Он даже себе не признавался, что прочитанная им книга... в общем... в общем, это она руководила его поступками процентов на семьдесят. Влад бы не понял (Димка и сам не очень понимал). А тут – как будто мысли прочитал!

– А теперь – чтобы помочь нашим, – сказал Димка.

Влад скривился:

– Нашим-вашим... Я вообще не понимаю, откуда на нас эта война свалилась. Наши еще какие-то...

– Ладно, – отрезал Димка. – Матери не говори, куда мы пошли. Я ей наврал, что мы на море⁴ пошли, рыбу глушеную пособирать.

– Вали-ите, – махнул рукой Влад. – Кто только вас собирать будет...

...Он нагнал Димку и Пашку на пересечении Лизюкова и Жукова, когда они, лежа в развалинах, прицеливались, как ловчее перебраться за развалины кинотеатра «Мир». Мальчишки сперва вскинулись, но потом Димка спросил удивленно:

– Ты?!

– Угу, – Влад втиснулся между ними. – Ну чего вы? Вон там можно пролезть, за бордюром. Пошли, пока ракет нет.

* * *

В три ноль семь Верещагин проснулся.

Снаружи бумкали минометы. Но это был не бой, а бессистемный обстрел, злость за позавчерашнее. И не это его разбудило.

Бросив взгляд на свои старые «Командирские», надсотник увидел именно это:

03.07.

Через полчаса начнет светать. Через час – рассветет совсем. Димка ушел в полночь. Если через двадцать минут они не вернутся – значит, их нет.

За столом спал, положив голову на руки, Пашка. Едва надсотник пошевелился, как вестовой вскинулся и сел прямо.

– Спи, – сказал Верещагин, подсаживаясь к столу и пододвигая блокнот.

– Не, я не хочу, – сипло и обиженно ответил Зубков. В упор посмотрел на Верещагина и сказал: – Зря вы меня не послали.

– Ты не местный, Паш, – сказал Верещагин, начиная от руки линовать рапортчку. – А Димка местный.

– Местный, – фыркнул Пашка. – Он стрелять-то умеет?

– А ему и не нужно стрелять, – усмехнулся Верещагин. – Если разведчик начал стрелять – значит, плохи дела.

– Он вернется, – вдруг сказал Пашка. – Вы не беспокойтесь, он вернется, время еще есть. Вы не волнуйтесь.

– Не волноваться? – Верещагин тщательно провел линию. – А я и не волнуюсь. Зачем мне волноваться за чужого мальчишку? – Он хмыкнул. – Просто я когда-то не сдал два экзамена – первый по прощению, второй – по любви... Вот и все.

– Не волнуйтесь, – повторил Пашка.

И почти тут же в коридоре что-то бумкнуло, кто-то засмеялся – и стремительно вошедший Басаргин выдохнул:

– Вернулись.

⁴ Воронежцы в самом деле называют жуткую комариную лужу Воронежского водохранилища не иначе как «морем»! Отсюда и ироничное название первой части книги.

– Почему во множественном числе?... – непонимающе пробормотал Верещагин, сам не замечая, как встает из-за столика.

Лицо Пашки расплылось в улыбке.

– Запускать? – Басаргин тоже улыбался.

– Скорее! – крикнул Верещагин.

И в его «кабинет» ввалились трое (трое?!), чумазных, оборванных, синхронно и широко лыбящихся мальчишек.

– Мы втроем ходили... – сказал Димка виновато, но в то же время буквально светясь. – Это вот Влад... вы его тогда видели, когда я вам сигареты подарил... а это Пашка...

– Мне было мало одного, – сказал Верещагин сухо, покосившись на своего вестового (он сидел на прежнем месте с видом «Я же говорил!!!»). – А вот посылал я как раз одного.

– Ну... – Димка потупился.

– Он один здрыснул идти, – заявил Влад. – В ногах у нас валялся, чтобы мы тоже пошли.

– Докладывайте, – так же сухо (чтобы не захохотать, не расплакаться – не дай бог! – или не наделать еще каких-нибудь глупостей) приказал Верещагин.

В мальчишках словно выключили тормоз. Все трое сунулись ближе к столу – и начался дикий галдеж:

– ...а мы ползком, а там собаки – rrrr...

– ...а я рукой прямо в говно...

– ...а там кирпич – бум, и как заорут...

– ...а пушки стоят – самоходки, десять штук...

– ...а Пашка говорит: «Давайте что-нибудь напишем»...

– ...а мы в том месте тогда еще сигареты покупали, и в дырку – нырк...

– ...нам как два пальца об асфальт, а они огромные, да еще в снаряге...

– ...бздынь! Бздынь! У меня очко – жим-жим...

– ...вот, я на руке записал...

– ...гляжу – мина...

– ...а они бла-бла-бла по-своему, я вот, на диктофон записал, может, важное что...

– ...много – охер...ть...

Это был не доклад. Даже не его подобие. Это был просто веселый и беспорядочный гомон. Но Верещагин не прерывал его. Он еще расспросит всех троих – как следует и о том, о чем нужно. А пока...

Пока он просто стоял и улыбался, слушая, как галдят мальчишки.

* * *

Бла-бла-бла на чудом работающем в побитой «Нокии» диктофоне оказалось трепом двух часовых-янки – о бабах. Но, что интересно – янки. Значит, морскую пехоту не отвели в тыл. К чему бы это?

Верещагин отложил диктофон и с удовлетворением посмотрел на карту, испещренную обозначениями. Был практически полностью разведан квартал между улицами Владимира Невского, Жукова, Лизюкова. И это сделали трое тринадцатилетних пацанов! Эх, Клим, Клим...

Жестокая, свирепая улыбка прорезала лицо надсотника. Институт искусств – а в нем штаб польско-хорватской бригады... Верещагин посмотрел на часы. Пашка на своем скутере уехал в штаб десять минут назад. Ну, погодите, братья-славяне, предатели хреновы – через полчаса на ваши головы ухнут 203-миллиметровые фугасы двух резервных «Пионов». Тогда вы – если уцелеете – поймете, каково тем несчастным рядовым, которых вы гоните на наши

стволы во славу своих заморских хозяев. Надеюсь, вы не сдохнете сразу, а помучаетесь с оторванными руками-ногами...

– Кто? – поднял он голову, услышав шаги – слишком осторожные для дружинника. – Кто там?

– Я... можно?

Мальчишеский голос... Со света Верещагин не сразу различил лицо, но голос узнал сразу.

– Заходи, Дим, – сказал он, ногой выдвигая стул, на котором обычно сидел Пашка.

Но вошедший мальчишка покачал головой. Верещагину показалось, что он очень взволнован – и уж точно бледен.

– Что случилось? Что-то с мамой?!

– Нет... – вновь помотал головой мальчишка. – Я хотел... – он очень смутился, тяжело задышал. – Я хотел...

– Да не волнуйся ты так! – надсотник вдруг понял, что забеспокоился, и удивился тому, что еще может это – беспокоиться из-за одного человека. – Что случилось? Говори спокойно.

– Я прочитал книгу... – Димка выложил на стол растрепанный томик. – Вот...

– О-о-о... – лицо Верещагина вдруг стало таким, как будто он повстречал старого знакомого. Надсотник взял книгу, покачал ее на ладони. – «О вас, ребята!». Я ее очень любил. И издание было точно такое...

– Правда?! – обрадовался Димка. – Ну, тогда... – он опять сбился, раздраженно мотнул головой и решительно продолжил: – Я тут в одну комнату пролез, там стена рухнула... тут, в школе. Там разная пионерская атрибутика... – непринужденно употребил он это слово. – Ну, и книги... Вот я ее прочитал. Я читать люблю... И еще я нашел... – он полез под куртку-ветровку с надписью «Mongools» и достал...

Надсотник ошалело моргнул, не веря своим глазам.

В руках у мальчишки был красный галстук – неожиданно яркий в свете керосинки.

– Это пионерский галстук, я теперь знаю... – сказал Димка. – Они там. В ящике в одном. Я... – он опять сбился. Надсотник молчал, держа руку на книге, лежащей на столе – как будто собирался в чем-то клясться на Библии. – Я хочу... – мальчишка вытаскивал слова, как через узкое стеклянное горлышко – звенящие и редкие. – Я хочу, чтобы... чтобы я не просто так был... а чтобы...

– Я понял, – сказал Верещагин. В глазах его – широко распахнутых, в красных прожилках недосыпа и страшной усталости – было недоверие, изумление и... и еще что-то. Может быть – восторг? Или даже преклонение?

– Вы же были пионером? – спросил облегченно Димка.

– Я был плохим пионером, – покачал головой Верещагин. – Вернее... **никаким**.

– Ну... пусть, – Димка шагнул вперед, протягивая галстук на вытянутых руках. – Вот... пожалуйста.

Надсотник закашлялся, встал, провел рукой по коротко стриженным седым волосам. Подтянулся. Взял галстук. Димка, не сводя с мужчины глаз, вжикнул «молнией» ветровки, повыше раскатал горло тонкой водолазки цвета хаки.

– Я что-то должен сказать, да? – спросил он. – Там же была... какая-то клятва?

– Была, – кивнул Верещагин. – Но я ее не помню, Дим. Мы все давно забыли свои клятвы... Я не знаю слов...

– Пусть... – шепнул Димка. Глаза его стали упрямыми. – Тогда вы... вы просто придумайте, что мне сказать. Чтобы была клятва. Вы ведь можете. Вы до войны книги писали. Я узнал...

– Хорошо, – и надсотник вдруг вырос и построжал. – Я придумаю клятву. Повторяй за мной. Я, Дмитрий Медведев...

– Я, Дмитрий Медведев... – отозвался мальчишка, вытянувшись с прижатыми к бедрам кулаками.

– ...вступая в ряды пионерской организации России...

– ...вступая в ряды пионерской организации России...

– ...и осознавая взятый на себя долг...

– ...и осознавая взятый на себя долг...

– ...торжественно клянусь...

– ...торжественно клянусь... – мальчишка коротко выдохнул.

– ...быть верным Родине, мужественным и честным... – звучал мужской голос.

– ...быть верным Родине, мужественным и честным... – повторял голос мальчишки.

– ...защищать то, что нуждается в защите, в дни войны и дни мира...

– ...защищать то, что нуждается в защите, в дни войны и дни мира...

– ...ни словом, ни делом, ни мыслью не изменять Родине...

– ...ни словом, ни делом, ни мыслью не изменять Родине...

– ...а если понадобится – отдать за нее свою жизнь.

– ...а если понадобится... – мальчишка на миг запнулся, но договорил твердо: – ...отдать за нее свою жизнь.

– Пусть будут свидетелями моей клятвы живые и погибшие защитники России и моя совесть.

– Пусть будут свидетелями моей клятвы живые и погибшие защитники России и моя совесть.

Надсотник повязал галстук на шею Димке. Побитые, перепачканные гарью пальцы мужчины сделали «пионерский» узел автоматически, заученно, и он невольно улыбнулся.

– Почему вы улыбаетесь? – строго спросил, поднимая голову, Димка.

– Узел, – сказал Верещагин. – Я научу тебя, как его правильно завязывать.

* * *

Он успел уснуть снова, но сон опять нарушили. Зевающий Земцов привел какую-то немолдую женщину, явно не знавшую, как себя вести, и старика – вполне бодрого, подтянутого.

– К тебе, – сообщил Сергей, уходя досыпать.

– Садитесь, – предложил Верещагин. – Хотите чаю?

– Спасибо, – поблагодарил старик, подождал, пока сядет его спутница, но дальше говорила именно она:

– Видите ли... я была директором этой школы. Stanisлав Степанович, – старик кивнул, – ветеран войны, он работал консьержем в одном доме... – Женщина откашлялась. – Вам не кажется, что это неправильно, происходящее сейчас? – Увидев, что Верещагин иронично улыбнулся, женщина поправилась: – Я конкретно о ситуации с гражданским населением. Дети не учатся...

– Это даже не главное, – перебил ее, извинившись взглядом, Stanisлав Степанович. – Я вот присмотрелся... вы воюете очень храбро, что говорить. Я не ожидал, что мы еще можем так воевать... – В голосе старика прозвучала гордость, он кашлянул и продолжил: – Но вы воюете как бы сами по себе, понимаете? А ведь люди готовы помогать. Я со многими говорил, не только с пожилыми... И у многих есть навыки – например, можно делать мины, чинить форму, да мало ли что? Есть врачи, есть медсестры, повара... Кроме того, гражданских надо отселить поближе к морю, это нетрудно...

Верещагин придвинул к себе блокнот и открыл его.

– Я писал докладную о чем-то подобном генерал-лейтенанту Ромашову, – медленно сказал он. – Но в общих чертах... А теперь давайте с вами поговорим подробно. И начнем – извините, Станислав Степанович! – все-таки с детей.

– Олег! – рассерженный Земцов вошел в комнату. – Извините... Что к тебе за делегации?! Эти пришли, которые... – он покосился на женщину. – Выйди.

– Я сейчас, – кивнул Верещагин, поднимаясь.

В коридоре переминались с ноги на ногу Влад и Пашка – друзья Димки. Пашка угрюмо молчал. Влад, глядя на офицера, сказал:

– Вообще-то это охренеть нечестно.

– Это ты о чем? – спокойно спросил Верещагин, мысленно посмеиваясь и не веря происходящему.

– А о том. Ходили вместе, и вообще вместе... А тут он приходит, гордый, как будто его орденом Сутулова наградили, с закруткой на спине...

– Погоди, – оборвал его Пашка. Звонким от обиды голосом сказал: – Мы что, выходит, недостойны?

– А зачем вам это надо? – спросил Верещагин, про себя подумав: ни разу ни он, ни мальчишки не сказали, о чем идет речь – и так понимают...

– Значит – надо, – упрямо ответил не Пашка – Влад. – Так что, нам валить? Правда, недостойны?

– Несите галстуки, – сказал наконец надсотник. – Нет, постойте. Утром. Через три часа. Во-первых, у меня дело. А во-вторых, чтобы вы подумали. Попросите Димку. Пусть почитает вам, как мальчишек на таких вот галстуках вешали. И, если не передумаете – через три часа у меня...

... – Извините, – сказал надсотник, садясь к столу и придвигая к себе блокнот. – Ну что ж. Давайте вместе составлять проект – как жить дальше. Воевать будем мы. А вот жить придется вместе...

Суд горящей земли

Ливень обрушился на Воронеж утром. Такой, какого еще не было за весь месяц осады – тропически-бурный, теплый, мгновенно наполнивший все канавы, все взревели трубы, все бетонные желоба, проложенные к водохранилищу с улиц обоих берегов.

Там, где набережная Буденного утыкается в пригородный лес, из развалин большого дома выскочили и с хохотом, криками стали носиться по лужам не меньше двадцати мальчишек и девчонок лет семи-десяти. Они прыгали по воде, что-то кричали, поднимали руки и смеющиеся лица к небу, гонялись друг за другом и даже падали в теплые, вспененные сотнями пузырей лужи, играли в салки вокруг трех выжженных, давно остывших «Кугуаров» с развороченными жуткими дырами в корпусах.

В десяти шагах от них, в широком бетонном желобе водоотвода, грудой лежали больше ста тел в черной форме – те, кто был убит ополченцами и казаками во время вчерашней попытки пройти набережной к ВоГРЭСовскому мосту, те, кто сдался в плен и был убит чуть позже.

Они лежали мертво и неподвижно – наемники знаменитых сетевых кондотьеров XXI века – «Blackwaters», «Beni Tal», «Close quarters protection association», «Defence systems limited», «Military professional resources incorporated», «Saladin security», «Vantage systems», «Grey areas international», «Dynocorp», «Rubicon international», «Sayeret group», «Global studies group incorporated», польстившиеся, подобно своим предкам, на щедрую добычу, они получили не ее, а – как те же предки четыреста и двести лет назад – свинец в живот; не пять тысяч пятьсот «зелени» в месяц, а нелепую и ненужную им смерть непонятно за что.

Они грудой лежали в водоотводе, и бурлящий поток шевелил их, придавая телам некое подобие жизни – жизни, которой они, молодые и сильные, обученные и уверенные в себе, не сумели распорядиться, и теплый ливень колотил по драной черной форме, по запрокинутым к небу лицам, по толстой зеленой пачке, втиснутой в чей-то оскаленный рот, по надписи, вырезанной на чем-то белом лбу ножом и уже почерневшей:

ЗА ЧЕМ ПРИДЕШЬ – ТО И НАЙДЕШЬ!

Наверху, над водоотводом, смеялись и шлепали по лужам дети.

* * *

Еще два месяца назад их не пустили бы сюда на порог – не то что в подвалы, в святая святых воронежского офиса ведущей энергокомпании РФ. Но те времена давно прошли, не было возле выбитых дверей охраны, да и самого офиса не было на две трети высоты, а его хозяин, по слухам, то ли сидел в американской тюрьме (где из него вышибали номера счетов), то ли был убит во время бомбежки Москвы, то ли растерзан толпой беженцев в Шереметьево около своего самолета... Единственное, что о нем напоминало, – большой цветной портрет, в котором торчали два дротика от «дартс», финский нож и который пересекала безграмотная надпись:

РЖАВЫЙ ТОЛЕГ

Грохот канонады сюда почти не доносился. Пожалуй, подвалы офиса могли бы выдержать прямое попадание «Томагавка», а уж от обычных обстрелов представляли собой вполне надежную защиту. Четыре бензиновые лампы с мощными рефлекторами, направленными в разные стороны, стояли в центре круглого стола, за которым когда-то заседал совет директоров – «в прошлой жизни», как сейчас любили говорить. В данный момент за ним заседал совет председателей пионерских отрядов города Воронежа – в помещении, специально выделенном

генерал-лейтенантом Ромашовым под координационный центр организации. На стене висела здоровенная карта города.

– Ну и давайте глянем, что у кого, – черноволосый мальчишка лет пятнадцати с глубоким свежим шрамом через всю левую сторону лица положил на стол крепкие худые кулаки и слегка исподлобья осмотрел всех присутствующих – председателей советов двух других отрядов, заведующих пионерскими мастерскими, складом продуктов, госпиталем и детским садом, редактора ежедневника «Русское знамя». – Давай, Димон, – он кивнул светловолосому худенькому пареньку, одетому в ушитую штатовскую куртку, с трофейным «кольт» на поясе.

– У нас на сегодняшний день в отрядах сто двадцать семь человек, – сказал тот. – На попечении – семьсот сорок три штуки мелочи и триста одиннадцать инвалидов и стариков. Это последние данные, может, будут еще коррективы. – Он пожал плечами: – Капля в море. По моим данным, в городе еще не меньше двадцати тысяч человек так или иначе нуждаются в нашей помощи.

– Медицина? – кивнул черноволосый.

– По-прежнему нехватка всего на свете, – угрюмо доложил рослый блондин, больше похожий на героя боевика о подростках. – Стиранные бинты... Вчера принесли упаковку промедола – двести доз. Я на ней сплю, – последнее заявление вызвало некоторое безадресное волнение. – Я на ней сплю! – с нажимом, повысив голос, повторил блондин, воинственно поглядев кругом. – Потому что я точно знаю минимум про троих – колются! И могу назвать имена, фамилии, сказать, у кого они... Ладно. Из наших в госпитале раненых трое. Один умирает – множественные ожоги, бутылки с коктейлем лопнули над головой... Семнадцать больных. Я вас прошу, черти, возвращайте сбежавших! Позавчера сбежал один – с температурой сорок... Вы знаете, кто и к кому! Верните добром, или с температурным бредом я его уже не приму. У меня все.

– Продукты? – продолжал темноволосый.

Поднялась худенькая, коротко стриженная девчонка, похожая на молодой вариант Хадакамы, в первый же день войны оперативно смывшейся в Японию. В подвале наступила опасливая тишина, даже сам спрашивавший как-то стушевался.

– Украли две пачки сухого крема, – индифферентно-неприятным голосом сообщила девчонка. – Украли, размешали с водой и съели. Нагло. Прямо за углом склада. И я знаю, кто это сделал, Золотце.

– М-м? – подняла золотистую бровь умопомрачительно красивая девчонка с лицом карающего ангела – еще в конце мая этого года известная всей области как «Мисс Воронеж Тин» года. – Ты хочешь сказать, что крем съела я? У меня диета.

– Не ты, но твои сопливые подопечные, – по-прежнему равнодушно уточнила стриженная. – Это саранча, а не дети.

– Растет смена, оперяется, – заметили из полутьмы.

В другом конце захрюкали от сдерживаемого смеха. Еще кто-то потребовал:

– Позитив давай, Лерка, позитив!

– Вот вам позитив. НЗ в кои-то веки укомплектован. Холодильная камера работает, так что с продуктами все будет в порядке.

– То есть их никто не получит, – уточнил блондин-«медик». – Ты бы хоть бульонные кубики на госпиталь отстегнула.

– Перетопчетесь, – отрезала «Хадакама». – У меня все.

– Детский сад? – продолжал темноволосый.

Золотце неспешно поднялась и оперлась о стол кончиками расставленных пальцев:

– Во-первых, я прошу возвращать всех младших, которые убегают «на линию». Чтоб ни единого там не было. Иначе буду скандалить вплоть до рукоприкладства. Дальше. Крем они правда съели, и я знаю, кто съел – они мне признались. Но не скажу. Еще. Проблема с

игрушками. В городе полно игрушечных магазинов. Добывайте, где хотите, когда хотите – но чтоб игрушки были. Не хочу, чтобы малышня играла гильзами. И так от их «бу-бух, падай, убит, сбил!» сердце щемит.

– М-ммм... – промычал кто-то.

– Слушай, парнокопытное! – взорвалась Золотце. – Двенадцатилетние играют в войнушку с настоящими автоматами – я с этим смирилась, раз уж взрослые охерели до такой степени! Но у маленьких должно быть детство! Даже здесь! **Особенно здесь!** И еще – бумага и цветные карандаши, – уже спокойно добавила она. – И ночные горшки.

– Каски подойдут? – деловито спросил Димка. – Вернее, шлемы. Эй-си-эйч. С бумагой посмотрим.

– Подойдут. А с бумагой не смотреть, делать надо. И еще – пусть найдут моеющее средство, какое угодно. А так у меня все.

– Техника и оружие? – подбадривал черноволосый.

Встал худощавый мальчишка в кожаной безрукавке. Сунув большие пальцы в брючные петли, он сообщил:

– Оружия и боеприпасов – полно. Любого. Если командующий захочет – танк пригоним.

– Не захочет, – нетерпеливо сказал черноволосый.

– Как хочет, – невозмутимо произнес «безрукавый». Среди пионеров царило оживление – благодаря в немалой степени их действиям добровольцы из гражданских получали трофейное оружие и достаточно боеприпасов, а обороняющиеся могли почти всегда восполнять потери. – Теперь о горючке. Дизтопливо почти все забрали военные. Если бы забирали бензин – я бы и слова не сказал, его больше, чем надо. Но у меня три дизеля – холодильник, операционка, резерв. Как без дизельного-то?.. Велосипеды. Износ в среднем – пятьдесят процентов. Даже у резервных – их у меня шестьдесят семь штук. За прошедший отчетный период, так сказать, накрылось пять машин, еще две откопали где-то и пригнали, итого – минус четыре. Ребята раскопали турмагazin, там полно снаряжения. Можно получать, кому что нужно. Все.

– «Русское знамя»? – кивнул черноволосый.

Встал печальный мальчишка с каштановой челкой над большими очками, за которыми грустили карие глаза. И душераздирающе вздохнул, прежде чем начать говорить, чем вызвал волну таких же вздохов вокруг стола.

– Не смешно, – грустно заметил очкарик. – У меня нет проблем. Еще нет бумаги и краски к принтерам. Предлагаю голосованием меня снять с должности и отправить в связисты или разведчики. А? – В голосе его прозвучала искренняя надежда.

– Будут тебе и краска, и бумага, – пообещал черноволосый.

– Только не в ущерб мне, – предупредила Золотце.

– Не в ущерб, не в ущерб... У тебя все?

– Нет, – заявил очкарик. – Мне батарейки нужны. И скажите Мазуте, чтобы не отключал резервный, когда мы работаем.

– А я отключал?! – истошно заорал «безрукавый». – И вообще – какая скотина «крокодильчики» к кабелю подкусывает?! Поймаю – кастрирую на хер!

Участники совещания захохотали...

* * *

До поворота на Циолковского Димка и Сержант ехали вместе, синхронно крутя педали. После дневного дождя было свежо, но небо уже очистилось полностью.

– Ты к своим, в «Старт»? – спросил Медведев, притормаживая ногой.

Черноволосый Сержант поправил галстук под джинсовой курткой, покачал головой:

– Не... Сначала попробую опять домой. Деда с бабкой уговаривать.

– Не уходят? – Димка вздохнул.

– Не... Бараны старые, – выругался Сержант. – Я им говорю – накроет вас бомбой или снарядом в вашей халупе – и ага. А дед в меня ковшом для воды... Ладно, поехал.

– Давай, – Димка оттолкнулся от бордюра. – Привет твоим!

* * *

...Прошлой ночью «писькоделы» не прилетали, и Лихач (в недавнем далеком прошлом Ленька Лихачев) вопреки всему начал надеяться, что и в эту их тоже не будет.

Ходили слухи, что откуда-то с неведомых складов Ромашову все-таки перебросили больше пятидесяти новеньких «мигарей», и они, взлетая с Авиастроителей, остановили «эфы» над Волгой, не дав им прорваться. Ребята выпалились выше крыши, а под вечер принесли несколько ящиков с продуктами – пакеты риса, томатная паста, консервы из баранины... Все было иранское. В одном ящике нашли записку, безграмотно написанную по-русски печатными буквами – учащиеся какого-то медресе писали, что восхищаются нашим беспримерным героизмом, молят Аллаха покарать агрессоров и посылают нам продукты, купленные на собранные деньги. Девчонки начали хлюпать, а Леньке почему-то было смешно...

...В подвалах все было как весь последний месяц. Большинство раскладывалось спать. В дальнем углу шло родительское собрание. Любовь Тимофеевна на него не пошла и проверяла тетрадки своих младшеклассников. Лизка, собрав вокруг себя мелких, читала им про домовенка Кузьку. Еще две девчонки, сидя на открытых ящиках, вяло спорили, сколько банок открывать на завтрак. За арочным проходом, завешенным шторами, стонали и матерились, металлически позвякивало – шли операции...

Ввалился Сержант. Лихач не ожидал, что он вернется сегодня – наверное, дед с бабкой в очередной раз отказались покинуть свой дом и снова расплевались с внуком. Но куда удивительней было, что Сержант волок за руку Генку Ропшина. Да еще в каком виде – грязного, волосы дыбом, одежда чем-то перемазана и порвана. Лихач просто офигел – ему казалось, что уж Ропшины-то точно давно на каких-нибудь Багамах или Канарах! Вспомнилось, как Колька хвастался загранпаспортом...

... – Посмотрите на это чудо! – объявил Сержант (все посмотрели; Генка тоже смотрел. Но не на окружающих, а куда-то мимо).

– Иду через парк, а он там сидит под кустами... Думал – позавчера попал под бомбежку, крышу сорвало, вот и прячется. Взял его за руку, поволок домой, а у них там полторы стены, да и те дыматся. Ну, я его сюда... Оксидик, цветочек мой аленький, посмотри, что у него с руками.

– Трепло, – сказала Оксана, дернула плечом и пошла за своей сумкой.

Лихач проводил ее взглядом и пихнул локтем плюхнувшегося рядом Сержанта:

– Не заедайся к ней, понял? В морду дам.

– Дашь, – тихо ответил Сержант. – Потом. Ты давай, не сиди... Сейчас десантура сказала – идут, гады. Минут через десять будут...

... – Ты где себе так руки изуродовал? Ты же их сжег начисто! – Оксана бинтовала ладони безропотного сидящего Генки. – Ты чего молчишь, дубина?!

– Он по привычке пирожки прямо из духовки таскал, – сказал кто-то, и вокруг заржали. Генка посмотрел немного осмысленней, улыбнулся странной улыбкой и неожиданно тонким, но очень ясным голосом сказал:

– Не... Там мама горела и кричала. В доме. Я хотел ее откопать и не смог...

Стало очень тихо. Ленька увидел, как Любовь Тимофеевна подняла голову и вдруг взялась за виски, стиснула их так, что побелели пальцы. А потом в этой тишине родился и врезался в мозги тонким буравом вой сирены...

... – Спать, спать, спать, – командовала Лизка. – Быстро и без разговоров. Пospите, а там будет день, днем они не летают.

Младшие слушались ее безропотно – укладывались, тихо помогая друг другу, кто-то добавочно объяснял:

– Днем они не летают, не бойся. Днем они наших «МиГов» боятся. Я тебе потом картинку покажу...

«Очень испугались, – подумал Лихач, подхватывая СКС из шкафа и одновременно перебрасывая через плечо сумку с противогазом. – На весь юго-восток – сто пятьдесят машин. Без единого командования. А у пилотов сколько?.. Что вы сказали? То-то же...»

Ребята вставали у входа, кто-то курил, отворачиваясь от родителей и учителей, прервавших свои посиделки в углу. Ленка нашел взглядом маму и тут же отвернулся. Снаружи продолжало выть, но к этому звуку примешался еще один – торжествующе-слитный гул десятков двигателей в небе.

– Готовы? – Дюк оглядел всю банду. – Ну, тогда что? Пошли...

– Я с вами.

– Ты же не в отряде, – сказал Дюк, и все на него поглядели – впервые командир сморозил глупость. Он и сам это понял и махнул рукой: – Ладно, двигаем. Лишним не будешь.

– Он же почти без рук! – завопила Оксана, но уже им вслед...

... – Он там! – крикнул Сержант. – Лихач, давай туда, он там, я же видел парашют!

– А ты? – крикнул Ленка.

Сержант отмахнулся со зверским лицом:

– Потом подберешь! – и откинулся на асфальт, сжимая замотанными руками подвернувшуюся ногу.

Ленка рванул бегом и даже не сразу осознал, кто бежит рядом с ним в грохочущей, стонущей огненной тьме – а это был Генка. Они обменялись короткими взглядами и ничего друг другу не сказали...

... – Погоди, Лихач, – Генка тяжело дышал. – Смотри. Вон он.

От удивления Ленка онемел. Они бы пробежали мимо. Человек, которого заметил Генка, стоял среди теней и пламени, среди шевеления веток и сам казался их частью. Но сейчас мальчишки вдруг увидели его очень отчетливо... и поразились тому, какой он огромный, этот первый увиденный вблизи враг – настоящий враг, янки, не наемник из Восточной Европы. Длинноногий, широкоплечий, в могучих ботинках на толстой подошве, с ежиком волос, отливавших латунью... Ленка не мог понять, какого цвета у него комбинезон, многочисленные нашивки отливали одинаково алым, казалось, что форма сбитого летчика тут и там испятнана кровью. Но он, похоже, даже не был ранен и не видел мальчишек – глядя в другую сторону, он возился с чем-то на поясе... Ленка увидел большую кобуру и, охваченный внезапным страхом – не дать ему достать оружие! – заорал, вскидывая карабин и от испуга вспомнив английский:

– Дроп е ган! – хотя, чтобы бросить оружие, тот должен был его минимум достать. – Фризз! Хэндз ап!

Тут тоже была неувязочка – как он мог поднять руки, если мальчишка приказал ему замереть?.. Летчик повернулся – быстро, резко, – и Лихач обмер, ожидая, что сейчас тот, как в кино, ловко выхватит оружие и он, Ленка, просто не успеет ничего сделать с этим огромным мужиком. Ответы пожара упали на лицо – мужественное, гладко выбритое...

...Летчик как-то странно присел и вдруг улыбнулся криво. Губы у него дрожали. Он замотал головой и заторопился словами:

– Донт шут... Плиз, бойз... донт шут... – потом, словно что-то вспомнив, торопливо полез в нагрудный карман, и Ленка, так же стремительно забыв английский, завизжал:

– Стой, гад!!!

Летчик тихо вскрикнул, отдернул руку и снова криво улыбнулся:

– Но... но, бой... Вэйт э минэт, плиз... Донт шут... Плиз, итс мани, онли мани... – он все-таки влез в карман, что-то там драл и рвал, не переставая жалко улыбаться, потом вынул ладонь и протянул ее к ним. – Фор ю... анд юо фрэнд, фор хим, бойз... Мани, голд... Тэйк, донт шут...

Ленька не сразу понял, что за кругляши у него в ладони – их там было больше десятка, явно тяжелых, отсвечивающих красивым медовым блеском. А летчик все улыбался, тянул дрожащую руку и говорил:

– Фор годнесс сэйк... донт шут... Ай хэв чу бойз ту... чу бойз, ю андестенд? Тэйк голд, энд ай го...

– Че он хочет? – тупо спросил Лихач, не опуская карабина.

Генка тихо сказал:

– Дает деньги, чтобы отпустили... Лихач... Лень, дай карабин.

– На... э, зачем? – Ленька сжал пальцы на ложе.

Генка посмотрел ему в глаза и тихо сказал:

– Дай.

Ленька разжал пальцы, как под гипнозом...

...Золотые монеты посыпались из ладони. Летчик вдруг подломился в коленях и, рухнув на землю, уже не тянул руку к мальчишкам, а как бы закрывался ею, трясущейся, с растопыренными пальцами, и его глаза блестели какой-то масляной животной пленкой. Он открыл рот – и вместо слов оттуда вырвался вой. Это был дикий, непереносимый звук – Ленька отшатнулся, не в силах его слышать, – вой, в котором уже не было ничего человеческого, никаких чувств, кроме одного бесконечного ужаса. Так не кричали даже сторовившие заживо в домах, которые, может быть, сжег этот крепкий, красивый человек, похожий на героя боевика.

– Страшно умирать, сука? – спокойно и даже как-то равнодушно спросил Генка, поднимая карабин. – Моя мама тоже кричала, гад. И я кричал... Пусть и твои дети покричат. Получи!

Он неловко нажал пальцем забинтованной руки на спуск, выстрелив летчику в лицо прямо сквозь крупно дрожащую, холеную ладонь.

* * *

– В воздушных боях этой ночью сбито восемь истребителей-бомбардировщиков и два штурмовика противника, – с выражением читал Пашка сводку штаба с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА». – Наши потери – два истребителя «МиГ-29»...

Надсотник Верещагин проверял списки новичков. За прошлые два дня в дружину записалось шестнадцать добровольцев, в их числе – три женщины.

– ...сформированные в Зауралье части РНВ, казачьи подразделения и переформированные части старой армии, подчиненные РНВ, сейчас насчитывают до полумиллиона человек... – Пашка с ревом и воем зевнул. – Оккупационные войска по-прежнему занимают позиции вдоль западных отрогов Уральских гор. Китай заявляет, что ни в коем случае не позволит втянуть себя в войну на чьей-либо стороне...

– Отдохни, – сказал надсотник. Встал, одергивая форму. – А я пойду пройдуся.

Имя для отряда

Руки полковника Палмера тряслись. Не от страха – от гнева. Инструктор при польско-хорватской бригаде, опытный военный, он никогда не поверил бы, что может испытывать такой гнев. Больше всего ему хотелось набить морду генералу Новотны.

Что было невозможно по нескольким причинам.

Он еще раз перечитал бумажку, снятую с дверцы своего «Хаммера» – про себя, хотя он уже не сомневался, что бумажку с подобным содержанием тут знают наизусть – Новотны неохотно, но все-таки сказал об этом полковнику, который, хоть и был ниже в звании, на деле – и это все понимали – являлся реальным командиром. (Начавший службу в 1984 году Яцек Новотны часто ловил себя на мысли, что ни один советский офицер никогда не позволил бы себе в адрес офицера польского и десятой части того, что позволял себе этот янки... а вот сейчас генерал подумал, что ему, пожалуй, приятно видеть Палмера в таком состоянии...)

Полковник в третий раз вчитался в русские слова – он хорошо знал язык.

Привет, долбо...бы!

Смерть ваша не за горами – за ближайшими домами!

Fack you sto раз в задний глаз!

Димка-невидимка.

Палмер скомкал бумажку нервным движением, лучше любых слов говорившим о том, как он разгневан. Молча швырнул комок бумаги на щебень и, широко шагая, пошел к своей машине, окруженной кольцом легких пехотинцев 4-й дивизии армии США. И не повернулся, когда кто-то из поляков (а их много удобно устроилось вокруг) свистнул и крикнул:

– Цо пан пуковник денеруе?! То ест смях москальски, доконт пан зуспешам?!

– Го-го-го! Га-га-га! – отозвались солдатским смехом развалины.

* * *

– «Привет, долбо...бы! – с выражением начал Верещагин. Его вестовой, набивавший патронами пулеметный барабан, хрюкнул. Надсотник, не обращая на него внимания, продолжал читать, хотя стоящий перед ним Димка Медведев побагровел до малинового цвета и опустил голову ниже плеч. – Смерть ваша не за горами – за ближайшими домами! Fack you sto раз в задний глаз! Димка-невидимка». Что молчишь, Пушкин? – с насмешкой спросил офицер.

Мальчишка переступил на полу. Вздохнул. Скрипнул каблуком.

– Правда невидимкой решил заделаться?

Мальчишка вздохнул снова. У сидевшего над картой командира третьей сотни Шушкова, заменившего трагически погибшего Климова, дергались губы. Верещагин вздохнул тоже:

– И это первый пионер города Воронежа. Начальник штаба отряда. Опора. Смена. Человек, которого я представил к награждению Георгием четвертой степени (Димка капнул на ботинок). Матерщинник и провокатор.

– Чего я провокатор... – безнадежно отозвался Димка.

– Провокатор, – безжалостно повторил Верещагин, покачиваясь с пятки на носок. – Вместо того чтобы заниматься разведкой, ты лепишь похабные писульки на вражескую технику. Думаешь, им это приятно? Они злятся. И, соответственно, усиливают охрану. Потом твои же ребята идут в разведку и напарываются на это усиление. Это и называется провокация.

Димка капнул два раза – на левый и правый ботинки. Верещагин вздохнул:

– В общем, так. Сдать ремень. Шнурки. Все оружие. Я тебя арестовываю на пять суток. Будешь отсиживать при кухне, заодно и поработаешь на благо моей измученной дружины. Я жду.

Уже без стеснения всхлипывая, мальчишка сдал требуемое. Потом поднял мокрые испуганные глаза:

– А галстук?! Тоже... сдавать?!

– Нет, – сердито ответил Верещагин. – Шагом марш отсюда, куда сказал. Выходить можешь только в сортир и на работы...

– Есть, – вздохнул Димка, повернулся через правое плечо и вышел.

– Поэт-песенник, – буркнул Верещагин, бросая на свою кровать конфискованные предметы. – Лебедев-Кумач.

– Что ты на него взъелся? – удивился Шушков, откладывая карту и беря гитару. – Хороший парень. Вон, гитару мне принес.

– Да не в этом дело, не в записке этой... – Верещагин подсел к столу, посмотрел на вестового. – Пошел отсюда, Большое Ухо.

Зубков встал с видом смертельно оскорбленного человека и медленно вышел походкой тяжелобольного. Верещагин проводил его взглядом и повернулся к Шушкову:

– Понимаешь, Саш, он страх потерял. Тот самый старый добрый страх, который позволяет сохранить голову. Ему начало казаться – я же вижу, – что это все игра. Пусть посидит и подумает. Тем более что завтра ночью «Солардь» идет на автокемпинг на Антонова-Овсеенко. Учти, выдаю тебе военную тайну.

– Туда? – Шушков помрачнел.

– Туда, он же и разведал, – Верещагин кивнул. – Вот я и боюсь – с ними увяжется. Нет уж, лучше пусть под арестом посидит.

– Ну, может, ты и прав, – согласился Шушков. – Спеть?

– Спой, – согласился надсотник, откидываясь к стене.

А помнишь, тридцать лет назад —
Звонящий май, и солнце в луже,
И чистые глаза ребят,
С которыми по школе дружен.

И лебедь в парке на пруду,
И мамина лапша «по-флотски»,
И «Смоков» хит What Can I Do,
Перекрываемый Высоцким.

Не знаю, чья виновна власть
И кто сие придумал средство:
Как будто бомба взорвалась
И разорвала в клочья детство.

И объяснениям – грош цена.
Читаю на могильных плитах
Друзей тогдашних имена,
Теперь безжалостно убитых.

И, поднимая к небу взор,
Грехи и беды взвесив строго,
НЕ ПРИНИМАЮ злобный вздор,
Что чья-то смерть угодна Богу.

Друзьям, крестившимся в крови,
Чрез смертную прошедшим муку,
Я в знак неумершей любви
Свою протягиваю руку.

За вас, ушедших в мир теней,
Увековеченных в граните,
От нас, живых еще парней,
Стихомоление примите⁵.

* * *

Надсотник Верещагин ошибался.

Ошибался, несмотря на весь свой школьный и военный опыт.

Димка Медведев не «потерял страх». Скорее наоборот – понял, что не знал настоящего страха до той ночи три дня назад, когда, находясь во вражеском тылу, увидел то, чего не мог себе представить даже после всего уже увиденного на войне.

Он и раньше знал, что на той стороне остались гражданские. Не очень много, большинство не успевших покинуть город скопились под защитой «своих». И все-таки были. Димка видел, как с большого грузовика им раздавали продукты. Раздавали, люди брали... а сбоку стоял еще один грузовик, и возле него – несколько штатовских военных. По временам они выводили из толпы то молодых женщин, то девочек, то мальчишек, сажали в свою машину. Когда она отъехала, Димка стал красться следом. Грузовичок шел медленно, мальчишка мог не отстать и добрался до окраины города, до автокемпинга.

О том, что он видел там, Димка Медведев никому не рассказал в подробностях. Просто когда он вернулся, то от него шарахнулась мать, казалось, привыкшая к тому, чем занимается ее сын. А Димка посидел в подвале – и отправился к Верещагину, **потребовав** у него устроить **сию секунду** встречу с генерал-лейтенантом Ромашовым.

Надсотник различил на висках мальчика седину. Почти незаметную в светлых волосах. Но седину. И кивнул только. Ни о чем не расспрашивал. А в кабине «гусара», когда они мчались через ВоГРЭСовский мост, мальчишка вдруг сбивчиво сказал надсотнику: «Там... там девочки, маленькие совсем, дошкольницы... и мальчишки даже... я не знал, что такое... что такое... что так вообще можно делать... и там... и там собаки еще, и...» Он захлебнулся, а Верещагин прижал его голову к своей груди, и Димка притих, молчал до самого штаба Ромашова.

А Ромашов вызвал «Солардь».

«Солардь» был спецназом РНВ. Его бойцов не звали по именам, потому что не знали их имен. А что знали? Что «Солардь» приносит человеческие жертвы. Что «Солардь» поклоняется Перуну. Что «Солардь» может все. Знали кучу всего – и ничего достоверного. Кроме одного. Оккупантов бойцы «Солардь» звали не «врагами».

Они звали их **МЯСО**.

⁵ Песня Д. Ляляева «Памяти детства».

* * *

Командир «Солардъ» был маленький, тощий, пожилой, со скандальным голосом пенсионера-общественника. Сейчас, когда он сидел в комнате Верещагина в гостиничном подвале, посвистывая, пил чай и недовольно смотрел по сторонам, надсотник невольно поражался тому, каков контраст между внешностью и содержанием, если можно так сказать.

Надо сказать, никто из тридцати пяти человек отряда (столько их было в начале боевых действий; сейчас осталось двадцать девять) не выглядел Рэмбо или Балуевым. Обычные молодые мужики; пара – уже не очень молодые, тройка – совсем мальчишки. Таких полно в каждом подразделении. Но даже на их фоне командир по прозвищу Дед выглядел вопиюще невоенным человеком.

– Мальчишку, значит, не отпустишь? – Дед поставил пустую кружку. – Плохой у тебя чай, надсотник, чай заваривать не умеете...

– Не отпущу, – покачал головой Верещагин. – Хоть стреляй, хоть приказ от генерала суй...

– Откуда такой приказ, если ему четырнадцать лет... – пробормотал Дед. – Ладно, может, и правильно. Кемпинг мы знаем, кое-кто из моих там до войны часто бывал... Обратного вот. Если их там больше сотни, да маленьких много, да забитые все – как обратно-то идти...

– Дед, – Верещагин навалился на стол, – как на Бога молиться буду. Выведи, а? Все тебя просят. Весь город.

– Выведи... Думаешь, мало их сейчас по России – женщин и детей – вот так мучаются? – беспощадно сказал спецназовец.

– Много, – кивнул надсотник. – Но этих-то можем спасти. Дед, не выведешь – я утром дружину в атаку подниму. Все пойдут.

– Чего ты меня уговариваешь? – брюзгливо сказал Дед. – У меня-то как раз четкий приказ. Значит – выполню. Только вот думать надо – как. Ты вот что, надсотник. Ты поди погуляй. А мне сюда пусть план кемпинга принесут, скажи там, снаружи, чтобы Барин принес, там есть такой – скажешь, он сразу принесет. И кипятку с заваркой, а сахара не надо – сам чай заварю, а то от ваших помоев с души воротит...

* * *

– Значитца, сделаем так, – Дед со вкусом прихлебнул из кружки черный, густой, как деготь, чай – практически чифир. Поставил кружку на край карты. – Туда мы доползем, тут даже вопросов нет. Там тоже все тихо сделаем, вот сейчас ребят проинструктирую пофамильно – и ни одна мышка не пукнет. А обратно мы поедем.

– Поедете? – Верещагин ошалело посмотрел на Деда.

Тот опять отпил из кружки и кивнул:

– Ага. Я человек старый, чего мне ноги-то бить? Тут четыре километра по Хользунова. Улица не перегорожена – так, рогатки в нескольких местах. Пароли мои ребята на месте узнают. Грузовики у них там стоят на бывшем рынке, рядом. Переоденемся – да мы даже заранее переоденемся. В штатовцев. Детишек и баб погрузим. Сядем. Поедем. Шум поднимать все равно некому будет – ну, разве что случайно. Езды тут – пять минут. Ну – шесть. А штатовцев пшки все равно останавливать особо не станут. Пока с начальством свяжутся, пока то, пока се...

– Наглость, – сказал Верещагин, качая головой.

– Так это, наглость второе счастье, – заметил Дед, вставая. – Ну, я пойду готовиться. А ты, надсотник, вот что. Ты с полуночи и до трех утра держи проезд на Московский проспект открытым. Сегодня в ночь. Ну и завтра – на всякий случай. Вдруг задержимся? Уговор?

– Уговор, – Верещагин пожал протянутую руку. И только сейчас заметил на тыльной стороне кисти Деда синие штрихи татуировки: «ГСВГ».

* * *

Свирепо дергая ножом, Димка чистил черт-те какой по счету вялый прошлогодний клубень. В соседней комнате повариха – девчонка на пять лет старше его – напевала немзыкально «С Новым годом, крошка» и по временам нагло покрикивала:

– А-рес-то-ван-ны-ы-ый! Скоро дочистишь?!

– Лахудра, мочалка, блин... – бурчал мальчишка и кромсал картошку.

За этим занятием и застал его Верещагин.

– Ты еще и вредитель, – грустно сказал надсотник, останавливаясь в дверях.

Димка вскинул злые глаза.

– Почему вредитель? – не удержался он.

– Потому что у нас картошки хорошо если десять ведер. А у тебя половина в отходы уходит. Дай сюда.

Отобрав у Димки нож, он присел на корточки и начал ловко, одной лентой, снимать тонкую кожуру, почти непрерывно вращая картошку в пальцах.

– Дома не чистил, что ли? – поинтересовался он.

– У нас ножик был специальный...

Димка с интересом наблюдал за процессом и, когда очищенная картошка булькнулась в ведро, с готовностью подал новую. Верещагин засмеялся и вернул нож:

– Дочищай норму и свободен. Зайдешь ко мне за барахлом.

– Я всего три дня отсидел, – напомнил Димка.

– А больше и не надо, – ответил Верещагин. – «Солардь» вернулся.

– Вернулись?! – Димка приоткрыл рот. – А они...

– Вывезли сто семнадцать человек, потерь нет, – сказал Верещагин, встал и, не оглядываясь, вышел.

Димка засмеялся. Подбросил картошку, поймал ее на кончик ножа. Вдохнул. Начал чистить, стараясь срезать кожуру так же, как надсотник.

И, чертыхнувшись, сунул в рот порезанный палец.

* * *

– Сержант уже не вернется.

Димка промолчал, ощущая, как сами собой набухают губы. Потом спросил у Верещагина, неотрывно глядящего в проем окна:

– Я не знал, что его посылали... А он один ходил?

– Нет, – надсотник пошевелился, сел удобнее на опрокинутом шкафу. – Я не знаю, если честно, кто с ним был. Еще двое ребят из его отряда.

– Может, они просто... задержались? – безнадежно спросил Димка.

– Нет, – надсотник вздохнул. – Они... они висят на пересечении Острогжской и Херсонской, Дим.

– Как... – Димка подавился. – Как висят, Олег Николаевич?

– За ребро, – тихо ответил надсотник. – За ребро на фонарных столбах они висят, Дим... Одно хорошо – кажется, их повесили уже мертвыми.

Димка отвернулся в угол. Верещагин продолжал смотреть в окно.

Где-то там, на юго-западе, в придонских плавнях, лесах и одичавших садах, ждали проводников и плана действий почти три тысячи бойцов, подошедших на помощь блокирован-

ному гарнизону Воронежа. Чезэбэшники, сводный отряд из старших суворовцев и кадетов, кубанцы – тащившие на себе боеприпасы, немало продуктов, медикаменты. Войти в город с боями они не могли, слишком неравными были силы. Ромашов со штабом выбрал место для возможного прорыва, составил план. Оставалось одно – связаться с командованием отряда.

И при попытках установить эту связь погибли уже две группы. Первая – разведчики-десантники. Вторая – мальчишки Сержанта во главе с ним самим.

– Скоро янки опомнятся, – сказал Димка, глядя все туда же – в угол, – и перепашут участок самолетами. Я те места знаю, там глушь, но со всех сторон дороги. Олег Николаевич, я пойду, а?

– Придется, – Верещагин не поворачивался от окна. – Один пойдешь?

– Нет... Зидана возьму... ой, Альку Зиянутдинова. Он в Малышево родился, все там исползал.

– Не ходи сам, – предложил надсотник. – Пошли Альку и еще кого-нибудь. Ты все время сам ходишь.

– Все ходят, – возразил Димка и встал со шкафа. Поправил куртку, ремень. – Дел много. А тут такое... в общем, сам пойду. Сержант, наверное, на Песчаном Логу сторел. Там вроде маленькое пространство, а все открытое. Наверное, решил – перебежим. И забыл, что там пожаров-то нет, фона нет, в ночники все видно. А мы вдоль речки пойдем, она в Дон впадает. Там дольше, зато рощи, а потом сразу садовые участки. Нырь – и на месте. Все нормально будет. Я пойду готовиться.

– Да, – кивнул Верещагин. – Иди, потом зайдете ко мне, я все расскажу, как следует... Погоди, Дим! – надсотник встал. Мальчишка остановился у порога. – Это очень важно. Надо дойти. Надо, чтобы они прошли в город.

– Ой, да все сделаем! – сказал Димка. И улыбнулся. Потом улыбка исчезла, он тихо добавил: – Сержанта жалко. Очень.

Круто повернулся и вышел из комнаты.

* * *

– Все, – прошептал Зидан и, повернувшись на бок, вытер лицо, перепачканное болотной жижей. Подмигнул Димке. Димка подмигнул ему. Зидан подмигнул снова (он был совсем не похож на татарина, синеглазый и белобрысый), и мальчишки синхронно хихикнули.

До рассвета оставалось полчаса. Но они лежали в полусотне метров от сожженного полевого стана, за которым начиналась садовая глушь. Оставался последний бросок, и они законно переводили дыхание после четырех часов ползанья на животах по болоту, траве, щебню и прочим милым местам.

– Пошли, – Димка приподнялся. Но тут же присел на корточки. – Вот что... – он покусал губу, посмотрел на развалины. – Я сейчас пойду. Если позову – иди следом. А если что-то... – он pokrutil ладонью. – Не вздумай лезть. Сразу уходи в обход.

– Да нет там никого, – сказал Зидан недовольно.

– На всякий случай, – строго произнес Димка. – И помни – я тебе **приказал**. Если что-то – сразу уходи.

– Ладно, понял, – буркнул татарчонок.

Димка поднялся и пошел, чуть пригнувшись, к стану. Вообще-то он тоже был уверен, что там пусто (тыловой рубеж обороны интервентов остался на городских окраинах, и его они обошли по реке). Но все-таки. Ну, просто на всякий случай.

Ему оставалось пройти метров пять, не больше, когда из черного широкого проема дверей вышли сразу двое. Димка не различил ни лиц, ни каких-то знаков различия. Но угловатое снаряжение, матовый мутный блеск на шлемах не оставляли сомнений в том, кто это такие.

Вот и все, очень спокойно подумал Димка. И рванулся в сторону, выдергивая из кобуры тяжеленный старый «кольт».

Очевидно, встреча была неожиданной и для этих двоих. Грохнула, раскатилась запоздалая очередь. Димка, согнувшись, метнулся в темноту – с пистолетом в руке, но не стреляя. Потом – обернулся, упал на колено, выстрелил – раз, другой, третий – не целясь, отдача рвала руки.

Он мог уйти. Во всяком случае – попытаться уйти в темноте. Но сейчас важно было, чтобы Зидан понял, что к чему, и тоже ушел – незамеченный совсем, в другую сторону.

Димка перебежал и выстрелил снова. Ему ответили несколько автоматов и крики – неразборчивые, казалось, отовсюду. По развалинам сбегались люди. Мельтешили тени, и мальчишка выстрелил по этим теням – еще, еще, еще! Сменил магазин, щелкнул затворной задержкой, перебежал. Залег, отполз. Нет, прятаться нельзя... Выстрелил снова, еще раз – и попал, возникший было слева среди развалин черный силуэт молча сложился пополам и исчез. Пять патронов. Можно выстрелить еще четыре раза – и попытаться убежать, Зидан наверняка уже чешет в другую сторону и уже далеко...

Выстрел. Еще выстрел – и мальчишка опять попал, но на этот раз подстреленный, закричал, падая.

Еще два раза. Димка вскинул «кольт» в обеих руках, прицелился, закусив губу – и в тот же миг на него навалилась страшная живая тяжесть. Мальчишка попытался вдохнуть – и не смог...

* * *

– Ну, привет, Димка-невидимка.

Облегчение, которое Димка испытал при этих словах, было ни с чем не сравнимо. Рассветло. На него смотрело улыбающееся – совершенно свое, родное! – лицо. Человек держал в руке несколько листовок – вынутых из кармана Димкиной куртки.

Обрадованный и испуганный (неужели он стрелял в своих?!), Димка попытался сесть.

Руки его были связаны за спиной.

А в следующий миг мальчишка увидел на рукаве формы человека – на рукавах всех столпившихся вокруг людей! – сине-желтые нашивки.

– Поднимайся, – сказал украинский офицер. – С тобой жаждет поговорить полковник Палмер из польско-хорватской бригады. Ты ему чем-то крупно насолил.

Димка начал вставать – неловко. Кто-то ударил его ногой под коленку – мальчишка повалился лицом на битый кирпич и, ощутив вспыхнувшую во всю щеку жгучую боль, с холодным ужасом понял: **это только начало.**

Стиснув зубы, он начал вставать снова. На этот раз ему не мешали. Поднявшись в рост, мальчишка сморгнул слезы (будь они прокляты, как же они всегда близко, сколько он из-за этого натерпелся!) и, обведя солдат мокрыми глазами, сказал раздельно и отчетливо:

– Предатели. Паскуды. Бандеровцы.

Тогда его начали бить. И били все время, пока волокли к «бб-му».

* * *

Прорывающиеся в Воронеж части атамана Хабалкова смяли украинскую бригаду, как пустую картонную коробку. Среди укреплений и брошенной техники тут и там валялись трупы. Около пятидесяти бойцов присоединились к атакующим.

Алька Зиянутдинов искал Димку. Искал, рискуя достаться нападающему, опомнившемуся врагу – парни-суворовцы уволокли спятившего татарина силой. И уже возле водохрани-

лица один из украинцев-перебежчиков сказал Альке, что какого-то мальчишку солдаты роты «Сич» взяли живым и увезли на север за сорок минут до прорыва.

* * *

Больше всего полковника Палмера изумили две вещи.

Первая – невысокий белобрысый мальчишка заплакал. Заплакал после первой же – и единственной в этот раз – пощечины, которую полковник отвесил ему даже не по ободранной щеке. Палмер решил, что разговор будет коротким и простым – и даже великодушно подумал, что, пожалуй, отправит этого ревущего «невидимку» после допроса в фильтрационный лагерь.

Вторая – **мальчишка ничего не говорил.**

Он ничего не говорил все те два часа, пока Палмер, капитан и двое лейтенантов то вместе, то попеременно орали на него, трясли кулаками и угрожали. Начинал плакать опять – и молчал. Когда потерявший терпение полковник сам сделал мальчишке укол пентотала, тот успокоился, а потом начал рассказывать какие-то нелепые школьные истории, совершенно не обращая внимания на задаваемые ему вопросы. Эта чушь про школу лилась из него непрерывным потоком, пока через полчаса мальчишка не отрубился.

Через четыре часа все повторилось снова. Удар по лицу. Слезы. И категорическое, упрямое молчание.

– Нечего делать, – Палмер поморщился. – Передадим его сержанту Лобуме.

– Я против, – вдруг сказал капитан Эндерсон.

Полковник изумленно уставился на своего подчиненного. Эндерсон свел брови и повторил:

– Я против, сэр. Я вообще против присутствия этой гориллы в нашей части. Это позор армии США. И я против того, чтобы мальчика отдавали на растерзание.

Полковник Палмер молчал изумленно и гневно. Оба лейтенанта – достаточно тупо. Наконец полковник зловеще спросил:

– Это ваше официальное мнение, капитан?

– Да, сэр, – упрямо сказал Эндерсон, и его худое лицо вдруг стало ожесточенным. – То, что вы хотите сделать сейчас, – это несмыслимое пятно на нашем мундире... а он и без того достаточно грязен, сэр, видит Бог.

Полковник заставил себя успокоиться. Военный в бог знает каком поколении (редкость для США), капитан Эндерсон был лучшим из его инструкторов.

– Ничего не будет, капитан, – сказал Палмер. – Лобума – это не мы. Мальчишке достаточно будет на него взглянуть, чтобы рассказать все. И я вам обещаю, что мальчика ждет фильтрационный лагерь.

* * *

В пять утра сержант Лобума разбудил полковника Палмера.

– Сэр, вы приказали докладывать независимо от времени суток, – сказал огромный негр, почтительно вытянувшись в струнку.

– Да, я слушаю, – полковник сел на раскладной кровати. – Что так долго? – он бросил взгляд на часы.

– Он молчит, сэр. – Лобума задумался и поправился: – Вернее, он кричит, но молчит.

– Молчит?! – Палмер взвился с кровати...

...Привязанный в гинекологическом кресле мальчишка внешне был не особо покалечен – разве что губы разбиты, и капитан Эндерсон как раз вытирал их бинтом. Но полковник Пал-

мер не сомневался в том, что сержант знает дело и мальчишка, конечно, должен был расколоться...

Капитан Эндерсон бросил бинт на пол и выпрямился. Странно – на какой-то миг Палмеру стало не по себе, когда он заглянул в глаза офицера. Но Эндерсон ничего не сказал – только вышел, плечом задев замершего у входа Лобуму.

– Почему ты молчишь?! – нагнувшись, Палмер схватил мальчишку за щеки. Тот открыл глаза – мутные, невидящие. – Говори, дурак! Как только заговоришь – допрос, а потом все прекратится и ты отправишься в лагерь! Ты будешь жить! Слышишь?! – он мотнул голову мальчишки. – Жить! Слово офицера!

– Вы не офицер, а фашист, – тихо, но отчетливо сказал мальчишка, шевеля покрытыми белой коркой губами.

– Что?! – Палмеру показалось, что он перестал понимать русский язык. – Что ты сказал?!

– Что смерть ваша – за ближайшими домами, – ответил мальчишка. – Что наши придут.

И что я не буду говорить ничего.

Палмер отскочил. Тяжело дыша, посмотрел на равнодушно стоящего сержанта.

– Делай с ним, что хочешь, – сказал полковник. – Но он должен говорить. **Должен**. Ты понял?

– Да, сэр, – синие губы негра расплылись в улыбке. – Не сомневайтесь, сэр. Он заговорит. Я пока просто разминался...

...Выйдя из палатки, полковник услышал за спиной истошный детский крик. И увидел, что вокруг все остановилось – солдаты охраны, водитель, радист за спутниковой станцией. Застыли и смотрят на палатку и на него – полковника Палмера.

– Что застыли?! – чуть ли не впервые в жизни заорал он на своих солдат. – Заниматься своими делами!!!

Люди суетливо, испуганно зашевелились.

Около штабной палатки Палмера нагнал лейтенант Хасбрук, проводивший осмотр вещей русского. Лицо лейтенанта было растерянным и удивленным.

– Сэр. Простите, сэр, – он достал из кармана красный треугольный платок. – Вот. Это было повязано на шее у пленного. Кажется, скаутский галстук... Странно, не так ли, сэр?

Несколько секунд Палмер смотрел на платок. Потом взял его – осторожно, словно боялся обжечься.

– Это не скаутский галстук, – сказал он. Поднял глаза на младшего офицера. – Вас плохо учили, лейтенант. Это **красный** галстук.

– Что это значит? – непонимающе моргнул лейтенант.

– Это значит, что **все начинается сначала**, – медленно ответил Палмер. – Это значит, что мы проиграли, лейтенант.

И с этими дикими, непредставимыми словами он скомкал платок, зло швырнул его под ноги обмершему от такого признания лейтенанту и почти бегом бросился в палатку.

* * *

Это было утро четвертого дня.

Впрочем, Димка не знал, что это утро. Не знал, что день – четвертый. Он давно потерял счет времени. И даже не мог увидеть, что это утро, потому что вчера днем, отчаявшись что-то сделать, сержант Лобума вырезал мальчику оба глаза.

Он шел сам. Отбитые и обожженные ступни почти ничего не чувствовали, но и боли почти не было – и Димка радовался этому. Он понимал, куда его ведут и зачем. И радовался и этому, потому что все три дня было очень больно и временами совсем не оставалось сил

молчать. А теперь все кончится – и он радовался этому. И тому, что промолчал – радовался. И тому, что Зидан наверняка дошел – радовался.

И еще он вдруг с пронзительной ясностью понял две вещи. Настолько важные, что и передать было нельзя.

Первая – что он не умрет. Нет, не здесь не умрет, тут все уже было ясно. **Вообще** не умрет. Он это понял совершенно точно.

И второе – что они победят. Если точнее – он понял это даже не сейчас, а вчера, когда увидел последнее, что ему было суждено увидеть в этой жизни – кровавые, бычьи глаза Лобумы, полные злобы, жестокости и...

И страха.

Его убьют? Да. А сколько хороших и храбрых людей – останутся жить и будут сражаться? Вот что было важно.

И, когда ветерок коснулся черно-бурых от крови щек мальчика, охранники вдруг отшатнулись, потому что русский... улыбнулся. Поднял голову к небу, словно **видел**, словно **мог** что-то видеть...

И улыбнулся опять.

Тогда капрал-латиноамериканец, командовавший расстрелом, первым разрядил в спину Димке, замершему на краю воронки, весь магазин.

Димка вытянулся вверх и выгнулся назад – как будто хотел взлететь. Чуть повернулся. И упал – мягко и бесшумно – за край воронки.

Двое других конвоиров – с круглыми от ужаса глазами, вздрагивая – стреляли сверху в лежащее внизу тело, пока и их винтовки не подавились опустевшими магазинами. И, закидывая за плечи оружие, почти побежали, оглядываясь, прочь от ямы, на дне которой лежал изрешеченный полусотней пуль Димка Медведев...

* * *

– Олег Николаевич.

Надсотник проснулся мгновенно.

– Что? – он сел. – Что? Димка вернулся? Вернулся, да?!

– Нет, – Пашка покачал головой. – Перебежчик с той стороны. Американский офицер.

– Что?! – Верещагин, начавший было энергично растирать лицо ладонями, застыл. – В смысле – **американец**?

Пашка кивнул. Лицо у него было странное.

– Идите скорее, иначе его убьют, – попросил парнишка.

...Семь или восемь человек, толпясь вокруг чего-то, лежащего на земле, молчали. В стороне примерно столько же дружинников зло и сосредоточенно били человека.

– Дай я...

– Э-эть!

– Мужики, пустите меня, мужики, я...

– Э-эть!

– А ну!!! – заорал Верещагин. «Маузер» в его руке дважды выплюнул рыжий огонь. – А ну! Р-р-р-разошлись, ннну?! – «маузер» подтвердил приказ третьим выстрелом.

Дружинники расступились – с нездешними лицами, тяжело дыша. На ноги между них с трудом поднялся высокий человек – без оружия, в растерзанной штатовской форме морской пехоты, с разбитым в кровь лицом. Он стоял молча, глядя на подошедшего офицера безразличными, затекающими кровью глазами.

– Вы что, остопиз...ли?! – зловеще спросил Верещагин, не убирая пистолет и обводя дружинников зловещим **неподвижным** взглядом. – У вас что, в каждом кармане по два янкеса-офицера?!

– Командир, – сказал, судорожно глотая, молодой дружинник с погонами стройника, – командир, не кричи. Командир, ты погляди, что он... принес.

– Принес?... – начал Верещагин. И осекся. Повернулся. Стоявшие вокруг лежащего на земле предмета бойцы молча расступились, давая дорогу.

Верещагин подошел. Посмотрел на испятнанный темным брезентовый мешок. Тихо спросил:

– Димка?

– Угу, – сказал чернобородый, с серьгой в ухе, кряжистый цыган из сотни Басаргина. – Отдай штатовца, командир, отдай, мы хоть душу успокоим...

– Заткнись, – приказал надсотник.

Опустился на колено, отогнул край мешка. Посмотрел – спокойно, без слов, только лицо вдруг задергалось. Успокоилось.

– Дима, Дима... – тихо, почти нежно сказал он. Погладил рукой что-то слипшееся и темное, видневшееся в мешке.

– Они ему глаза вырезали, – сказал со злыми слезами рыжий парнишка, державший на плече РПК. – Командир, отдай янкеса, отдай, слышишь?!

– Тихо, – не приказал, а попросил Верещагин. Подошел к офицеру и одним рывком за скрученный на груди камуфляж приподнял его по стене на полметра. – Что вы сделали? – спросил надсотник так, что все вокруг замолчали. – Что вы сделали, изверги?

Но молчание американца будто лишило его сил. Он отпустил янки и ссутулился. Американец расправил камуфляж и вдруг сказал – почти без акцента:

– Ваш мальчишка промолчал. Нитчего не сказал.

– Я был учителем, – сказал Верещагин, поднимая на американца глаза. – Понимаете вы, я был учителем, я хотел всю жизнь учить таких, как он, нашей истории. Всего лишь учить их истории... – Его лицо опять дернулось, он махнул рукой. – Уходите... – мельком глянул на погоны американца, – капитан. Идите, идите.

Никто не возразил. Американец снова расправил форму на груди.

– Я не буду уходить, – сказал он тихо. – Я пришель к вам и принес мальчика. Я трус. Я испугался его спасти. Я хотел стрелять, но я испугался. Тепер я буду с вами. Если вы меня возьмете. Если вам не нужно труса, то пусть мне отдадут пистольет. Я не стану жить тогда.

– Верните ему оружие, – сказал Верещагин. – И проводите его ко мне, нам надо поговорить. А умереть мы все всегда успеем. Никогда не надо торопиться умирать... мы все торопимся умирать и не успеваем жить... – и надсотник пошел по коридору.

В тишине было слышно, как он плачет – тяжело и хрипло, как будто разрывается металл...

* * *

– Может, выпьете? – спросил Пашка, не пряча от сотника опухших от слез глаз. – Я водку принесу. Настоящую.

– Паш, ты же знаешь, что я не пью, – покачал головой надсотник. Подумал и добавил: – Спасибо.

– А я бы выпил, – Пашка сцепил на столе пальцы. – Смешно, Олег Николаевич. Столько убитых. На каждой улице каждый день убитых детей подбирают. А я почему-то из-за него плакал. Мы с ним даже друзьями не были. Когда Сашка Коновалов погиб, я не плакал, а мы

с ним с семи лет дружили... с моих семи, с его восьми. А тут взял и заплакал. Смешно, – повторил он. – Давайте я вам бутерброд сделаю. С копченкой. Есть копченка.

– Паш, не надо ничего, – поморщился Верещагин и тяжело лег, закинув на кровать ноги в ботинках. Потер грудь слева.

Болело сердце. Впервые в жизни – физически болело, а не фигурально выражаясь. «А вдруг сдохну?» – испугался надсотник. Хотел спросить у Пашки – пусть принесет корвалол. Корвалол пила мама. Боги, как она там? Конечно, девчонки ее не бросят, но как она там? А если узнают, что она – мать офицера РНВ? Или Кирсанов не оккупирован? Что им там делать, маленький городок, неважный...

Боль отступила. Так же внезапно, как пришла.

– Олег, – в комнату вошел Земцов. – Там к тебе ребята просятся.

Верещагин сел.

– Пусть идут сюда.

Почти сразу вошли – наверное, по всегдашней привычке ждали в коридоре рядом – Влад Захаров, Пашка Бессонов, девчонка – надсотник не помнил, как ее зовут, но в отряде она заправляла «женским» звеном. Встали в ряд в ногах кровати. Молча.

Офицер поднялся. И понял, что Влад – почти одного с ним роста.

– Мне... – Влад вдруг замолчал, и Верещагин подумал, что Пашка вот так же почти всегда запинаясь, когда волновался. А Влад – нет. – Мне скоро пятнадцать. Возьмите меня к себе. Ну, в дружину. Чтобы я не в разведку. Я не могу больше в разведку. Я все испорчу сразу.

Надсотник понял, о чем говорит парнишка. И кивнул:

– Хорошо. Пойдешь во вторую сотню, Земцов тебе все объяснит. А галстук... – Он помедлил. – Галстук снимешь? Ты же теперь не в отряде будешь...

На скулах Влада вспухли бугры. Он медленно покачал головой:

– **Никогда.**

– Хорошо, – повторил Верещагин. Посмотрел на Пашку и девчонку: – Вы не проситесь. Вас не возьму.

– Мы не за этим... – Пашка достал из сумки на поясе – школьной, обычной, какие еще недавно носили по моде у самого колена – свернутое отрядное знамя. Надсотник узнал его – переделанное из найденного в той самой комнате, обнаруженной Димкой, старого пионерского. – Мы... вот! – и он развернул большое полотнище с потускневшей золотой бахромой.

А вот буквы, вышитые по верхнему краю, сверкали свежим золотом – и Верещагин подумал, что их, наверное, вышивала именно эта девчонка...

Он посмотрел ей в лицо. И снова перевел взгляд на золотые буквы, чуть подрагивавшие в такт дрожи Пашкиных рук:

ОТРЯД ИМЕНИ

ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

Меня зовут Сережка

Я камень.

Я неподвижен.

Осколок гранита, обкатанный ветром и дождем. Лежит среди таких же, неотличимый от них, мертвый, увесистый и равнодушный. Глаз на нем не остановится.

Ему все равно.

Я камень.

Я неподвижен.

Боже скрывался под огромным обломком стены, лежавшим на остатках фундамента – эта пещерка в задней части соединялась с подвалом, откуда можно было выбраться в коллектор, выводивший на позиции 9-й интернациональной роты, на площадь Заставы. Козырьком выдававшийся над пещеркой кусок бетона затемнял ее; лаз переплетала выдернанная арматура, на которой еще держались обломки и какая-то хрень. Все это создавало эффект тюлевой занавески – даже когда солнце светило прямо в лаз, оно не могло высветить то, что внутри. А темных щелей в развалинах полным-полно...

...Боже положил перед собой начерченную на куске картона карточку, серую от карандашных пометок – свежих и стертых, понятных ему одному.

Так. Позавчера ОН убил отца. Вчера ОН не стрелял. Мест, где ОН может находиться – шесть: водослив; дырявый забор из бетонных плит; развалины воздухозаборника; окна – первый этаж прямо напротив него, первый этаж на тринадцать часов, второй этаж на четырнадцать часов.

Водослив – триста метров. Это вряд ли, уж больно лезет в глаза это укрытие, да и солнце при заходе просвечивает почти всю трубу навывлет. Правда, там есть какая-то куча мусора.

Забор. Много дыр. Триста метров. Когда солнце всходит, невозможно понять, что за ним, а снайпер может стрелять из каждой дыры. Но очевидцы говорят, что звук выстрела всегда как бы двойной – так бывает обычно, если стреляют из помещений.

Воздухозаборник. Триста пятьдесят метров... Вообще-то – самое подходящее место, там полно таких же щелей, как эта, в которой лежит он сам. Но уж **больно подходящее**. Прямо глаз режет. Вряд ли...

Первое окно. Четыреста метров. Прямо за воздухозаборником, даже видно плоховато. Но можно различить комнату, относительно целую, в которой висит тюлевая занавеска. Занавеска – это интересно. Из-за настоящих тюлевых занавесок обожают стрелять новички, это можно... но уж больно тупо. Именно для новичка. А ОН не новичок.

Второе окно. Четыреста тридцать метров. В комнате проломлен потолок, просвечивает здорово, но все может быть. Да и мусора там полно.

И третье окно. Четыреста семьдесят метров, второй этаж. Вот там – там вполне может быть точка. Отсюда плохо видно, что происходит в этой комнате.

ОН стрелял справа. Отец был убит в правый висок на расстоянии больше километра – виртуозный выстрел. Связист – пацан-велосипедист – был убит в правый висок. В других случаях пули тоже попадали справа. Всегда – отчетливый двойной звук выстрела. Боже всмотрелся в карточку. Справа – это воздухозаборник и окна. Водослив и забор – это попадания по фронту, а не справа; в этих случаях ОН просто **не мог** попасть в правую сторону.

Помедлив, Боже вычеркнул на карточке эти цели. И водослив, и забор. Так. ОН мог вообще уйти. Вчера ОН целый день молчал. Но ОН и до этого молчал, случалось, по двое-трое суток.

Кроме того, Боже чувствовал: ОН здесь. Среди этих развалин – такой же камень, как сам Боже, такой же серый обломок стены, слившийся с развороченной улицей военного города.

ОН стрелял точкой триста «Винчестер магнум». «Маузер» SP66... или SR93. Может быть, даже «Супермагнум». Скорее всего ОН не американец – «маузеры» немецкие, «Супермагнум» – английская, а янки не любят чужого оружия. Нет, не важно. Какая разница, какое у НЕГО оружие? Дело только в том, что точка триста «Винчестер магнум» – патрон профессионалов.

Боже взял бинокль и вновь – в сотый раз – начал осматривать подозрительные места. Тщательно. По сантиметрам, через каждые несколько минут откладывая бинокль и прикрывая глаза.

За бетонной стенкой перемещались турки – двигались тени, да и лицо какое-то появилось в одной из дыр (Боже позволил себе усмехнуться, вспомнив, как ему хотелось первое время стрелять именно в турок). Между дорогой и развалинами домов высились укрепления, за ними тоже было полно солдатни, стояла техника.

Все это очень мало интересовало Боже. Хотя машинально отметил, что там укрепления отгроханы такие, как будто турки собирались обороняться, а не отступить.

На турецких позициях открыли огонь сразу два «Браунинга», и Боже насторожился. Перебивающий друг друга рев пулеметов калибра 12,7 мм способен заглушить любые другие выстрелы, русские снайперы тоже любили стрелять под такую завесу. Уж не... Ага, получил! Боже увидел, как кувыркнулся от пулемета один из турок. Стрелял кто-то из казачьих снайперов – конечно, не так виртуозно, как (Боже мысленно гордо подбоченился), но здорово.

Потом вмешались минометы – и уже через полминуты мир утонул в какофонии пальбы. Боже продолжал невозмутимо рассматривать позиции. Сейчас можно было надеяться только на глаза... но над площадью и улицами потянулись дымы, мешавшие и смотреть тоже.

Окна. Развалины воздухозаборника. Боже видел, как вздымаются тучи пыли. Сейчас его злила стрельба своих. Он видел и то, как работают минометные расчеты турок, но не обращал на них внимания. Кого-то таскали на носилках за позициями. Грохот стоял невероятный, но...

...но каким-то столь же невероятным чувством, каким-то натянутым нервом – Боже уловил **ЭТОТ** выстрел.

Именно **ЭТОТ**.

* * *

Полковник Кологривов сидел на ящиках из-под мин. Налившиеся кровью глаза командира дроздовцев выражали невероятную муку, на дрожащем горле веревками натянулись жилы. Санитар, заматывая лицо офицера быстро промокающими бинтами, бормотал:

– Ну, вот и все... вот и отлично... а теперь в госпиталь... а там соберут, там хоть из кусочков соберут-ут, не волнуйтесь, потерпите еще чуть...

В какой-то степени Кологривову повезло, если можно назвать везением одно из самых пакостных ранений – челюстное. Он лежа наблюдал в бинокль за тем, как стреляют его пулеметчики. Прилетевшая **справа** пуля распорол полковнику правое запястье, раздробила нижнюю челюсть, повредив язык и вогнав в тело обломки зубов.

– Вот, – надсотник Хвощев подал Боже окровавленную пулю. – Прошла навывлет и срикошетировала о камни. Я подобрал случайно.

– Угу, – Боже покатал пулю в грязных пальцах. – Точка триста. Справа, значит...

– Справа, – кивнул надсотник, – и прямо в цель. Пять сантиметров щель, а он попал... Слушай, – лицо офицера вдруг стало злым, он заломил на затылок вишневый с посеребрившими нитками когда-то белых выпушек берет, – ты собираешься его убивать, братушка херов, или просто так – мамон належаешь?!

Боже спокойно встал и пошел прочь. Хвощев догнал его, схватил за плечо:

– Я тебе вопрос задал, боец! Он ранил нашего командира!

– Приготовьтесь к тому, что это не последняя жертва, – черногорский акцент делал речь Боже, который так и не повернулся, рокочущей и странноватой. – И уберите руку, пожалуйста. Мне надо идти.

– Только и можете – корчить из себя суперменов, снайпера! – Хвоцев тряхнул не сопротивляющегося парнишку. – В конце концов, он и твоего отца убил! Делай что-нибудь – или проваливай, пусть этим займется кто-то из наших!

– Я ваш, – Боже спокойно улыбнулся. – И вам придется смириться со мной. А делать «что-нибудь» я не собираюсь, потому что я должен его **убить**. Рисковать собой я тоже не собираюсь. Я дороже любой из ваших полусотен.

В тот же миг Хвоцев сильным ударом сшиб его с ног – и мгновенно остыл, как остывают почти все русские, поняв, что совершили что-то несправедливое. Дружинники, замершие на миг, незамедлительно постарались сделать вид, что ничего не случилось. Полковника уже отвели в тыл. Надсотник тяжело дышал, сжимал и разжимал кулаки; лицо его было растерянным.

Боже поднялся, потер скулу и флегматично сказал:

– Ну, я пойду.

Пулю из руки он так и не выпустил.

* * *

Оболочка точки триста прорвалась, высунулся твердый сердечник. Боже хмыкнул – это ему вдруг напомнило член в боевом положении. Разворотила челюсть, прошла насквозь... До позиций дроздовцев было шестьсот метров. Различить на таком расстоянии через пятисантиметровую щель человека и попасть ему в голову – это больше чем превосходно.

Окна. Развалины.

Солнце садилось – ярко-алое, задымленное, августовское. На правом фланге шел бой – настоящий, не перестрелка, похоже, хорваты атаковали казаков.

Этот стрелок – виртуоз.

Так. Стоп. **Это кто еще?**

Трое турок пробирались через развалины метрах в ста. Двое несли разобранный «Браунинг», третий шел впереди, озираясь, держа наготове G3 с подствольником.

Этого нам совсем не надо. Если они тут усядутся, то позиция накроется.

Боже отложил бинокль к аккурату – затвором вверх, прицел закрыт замшевым чехлом – устроенной сбоку «мосинке». Взял «Винторез», устроил его в выемке камня. Приложился – быстро и плотно, целясь в левый висок последнему турку. Чуть ниже... в левую щеку...

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Зря отец не любил этого оружия. В городе на короткой дистанции, да если целей много – самое то.

Еще две или три секунды Боже смотрел на лежащие около упавшего пулемета трупы. Осторожно откатил в щель поглубже раскаленные гильзы.

ОН видел, как погибли турки. ОН не мог не видеть. ОН сейчас наблюдает в прицел. Смотрит внимательно. Ищет. Для остальных это просто убийство – война, она и есть война. Но ОН знает, что этих троих убил Боже. И знает, что Боже за ним охотится.

Окна. Развалины.

* * *

«Апач» грохнулся в середине площади, взметывая обломки, по сторонам – пыль. В бинокль Боже видел, как на казачьей баррикаде, задирая юбки, скачет и явно что-то кричит

молодая женщина. Но видимость после падения упала до нуля, подходила темнота, и Боже отложил бинокль и уснул.

Он спал глубоко, бесшумно дыша, не двигаясь, но каждые три минуты открывал глаза и секунд десять-пятнадцать вслушивался и всматривался в грохочущую смесь огня и тьмы за пределами своего участка.

Перед рассветом была атака. Но турки не умели воевать в темноте, и Боже видел, как они десятками гибли в нескольких заранее устроенных казаками «огневых коридорах». Он не думал о «своих» и «чужих». Война сейчас его не касалась совершенно. Где-то впереди, метрах в четырехстах, была цель. Вот и все.

Глядя в бинокль, Боже ел из банки консервированные сардины, запивая водой, в которой разболтал кучу таблеток глюкозы. Вода стала противной, и он вспомнил родник над селом. Маленький, с ледяной вкусной водой, с нерукотворной иконой Богоматери, проступившей в камне в незапамятные времена. Мама водила его туда за руку и научила молиться, прежде чем попить. Всего несколько слов...

Вот ОН.

Человек в сером лохматом камуфляже лежал в развалинах воздухозаборника. Странно было, что Боже не заметил его раньше. Сейчас он отчетливо видел голову, плечо, спину, винтовку – английскую «Супермагнум», замаскированную лохмотьями ткани. Человек лежал совершенно неподвижно, и Боже, нашарив его висок рискованной прицела, не стал стрелять.

Кукла. Будем вести себя так, словно это кукла. Может быть, **это и есть кукла**. Мы подождем выстрела (который будет означать чью-то смерть – конечно...). Тогда все определится.

Триста пятьдесят метров. Боже выставил дальность. Вот так. Ветер дул по площади, он выставил и поправку. И окаменел.

Вражеский снайпер тоже был неподвижен. Он хорошо замаскировался. Боже не мог себе не признаться, что, в принципе, мог и не заметить его раньше. Может, он тут и лежал. А может – приполз сюда ночью, а до этого стрелял из окон. А что он неподвижен – скорей пошевелится кукла, чем хороший снайпер.

Лица не видно. Оно было закрыто маской, чуть колышущейся. Не факт, что от дыхания.

Со стороны казаков подал голос «Утес». Он бил беспощадно, нудно, руша в щебень остатки бетонной стены...

Будет стрелять в пулеметчиков?

Не будет? Боже не стал бы...

Или все-таки это кукла?

Нет?..

Да?..

Пулемет умолк. Мухи вились над трупами убитых вчера турок – казаки обообрали их, со многих даже обувь сняли (дружинники этим брезговали), но убирать не стали, конечно, не в своем же тылу. Боже пришлось принюхиваться, чтобы различить запах гниения. Он настолько пропитал все вокруг, что стал неразличим, а это плохо, когда так «садится» обоняние...

Я камень.

Я неподвижен.

На спине можно различить следы ожогов – отец клал туда горящие угли, а Боже лежал неподвижно и отмечал цели на карточке, хотя глаза семилетнего мальчика застилали слезы. Потом он научился сдерживать и слезы.

Я не умею ненавидеть. В мире нет ничего и никого, на что стоит растрачивать ненависть в эти минуты. Если бы сейчас мимо прошел тот летчик, который сжег мой дом, маму и трех сестренку, я бы не пошевелился.

У меня нет имени. У меня нет народа. У меня ничего нет.

У меня нет даже **меня**.

Выстрел!

Боже видел, как плавно, мягко дернулся длинный толстый ствол винтовки и качнулась голова в маске.

В следующую секунду голова дернулась снова – уже резко – и скользнула в сторону. А «Супермагнум» упал через камень, задрал приклад вверх.

Боже плавно открыл затвор «мосинки», выбрасывая стреляную гильзу...

...Последним выстрелом натовского снайпера был убит на позициях дроздовцев надсотник Хвощев.

* * *

Остаток этого дня, ночь и весь следующий день Боже Васоевич лежал в своем укрытии, с каменным терпением отслеживая происходящее. Труп и винтовка тоже лежали на своих местах, никто не приходил за ними.

И больше никто не стрелял.

Почему Боже не уходил? Едва ли он сам мог сказать точно. Но вновь и вновь вспоминалось...

Отец бросает в рот сливу.

Ягода щелкает во рту.

«Я его убил».

Выстрел.

Отец падает.

Слива.

«Я его убил».

«Я его убил».

Отец ждал восемнадцать часов после своего попадания. Отец – человек, с 1991 года убивший двести девяносто семь врагов. В основном – таких же снайперов, как он сам. Он не мог обмануться, что попал. Он тоже видел труп. Двести девяносто восьмого.

Снайпер был не один?

Может быть, Боже убил второго?

Он ждал уже двадцать девять часов...

...Казачий сотник за стереотрубой был виден Боже боком. Со стороны позиций турок его не видели вообще.

Что такое? Откуда это... беспокойство? Боже повернулся в сторону врага. Что, что такое?... Сейчас что-то...

Выстрел!..

...Командир 17-й кубанской сотни Федько был убит с дьявольской точностью. Определив его местонахождение по блеску стереотрубы, снайпер вогнал пулю в бруствер, и она пробила мешок с песком, низ трубы, линзы и левый глаз сотника.

Боже **увидел** этот выстрел. Потому что **почувствовал** его **заранее**.

Многие назвали бы этот выстрел «везением». Но это не было везением. Это была просто превосходная работа.

Вооруженный «Супермагнумом» вражеский снайпер лежал в полудесятке шагов от того, первого – под каменной плитой. Боже видел его ствол и край маски.

Боже не выстрелил.

Потому что **не понял** врага.

Снайпер никогда не придет стрелять туда, где до него погиб другой. Это значит, что позиция «засвечена».

Он сумасшедший?

Нет, не похоже. Выстрел был виртуозным.

Снова – виртуозным.

А сколько их вообще? Три? Два? Или... **один?**

Боже вгляделся в труп.

Нет мух. Возле трупа, пролежавшего на жаре начала августа почти тридцать часов, **нет мух.**

Кукла. Но он же видел, видел – эта кукла стреляла!!!

Труп вынесли ночью, на его место положили куклу?

Зачем?

Ничего не понимаю.

А это – **ПЛОХО.**

Но одно Боже понимал отчетливо.

Сейчас он не охотник. Сейчас он – **дичь.**

* * *

– За последние шесть дней – пять убитых и двое раненых офицеров! Ты же говорил, что убил его!

– Отец тоже это говорил, – Боже встал. – Но думаю, ни он, ни я его не убили.

– Что это значит? – генерал-лейтенант Ромашов с ног до головы оглядел черногорского мальчишку. От Боже пахло потом, мочой, трупным гниением, лицо было черным и осунувшимся, но серые глаза смотрели спокойно и твердо. – Он так перебьет всех офицеров во Втором Кубанском и у дроздовцев. Ты это понимаешь?

– Я понимаю, – Боже кивнул. – Он один. И он очень хитрый. Но сегодня все кончится. Я его убью – или он убьет меня. Знаете, мне нужна большая бутылка кетчупа. И манекен из магазина.

* * *

Вытряхнув последние капли «острого», Боже закрыл голову манекена, приладил парик, надвинул на равнодушное лицо маску. Устроил в подогнутых руках отцовский «маузер», выверил наводку и, плавно выдвинув манекен на свою позицию, лег чуть сбоку и сзади. Натянул тросик, привязанный к спуску.

Зачем я эту ерунду делаю?

Боже чуть поправил манекен и, глядя в прицел своей винтовки, плавно и сильно потянул тросик.

Выстрел! Боже видел, как сорвало маску с лежащего под плитой натовца... но это было совершенно несущественно, потому что в следующую секунду раздался ответный выстрел – и Боже забрызгало кетчупом из расколовшейся головы манекена.

Он поднял руку и, неспешно вытерев лицо, посмотрел на размазанные алые полосы.

Манекен был «убит» убитым за миг до этого снайпером.

В следующие несколько секунд в голове Боже было пусто-пусто. Он вообще не понимал происходящего.

Потом он схватил бинокль. И уже через несколько минут нашел то, о чем подумал.

Тоненький, но различимый проводок змеился от домов к развалинам, в которых Боже уложил двоих снайперов. Различимый... если знать, **что** должен различить.

Только... **никого он не уложил.**

Спектакль. Гениальный по задумке и хладнокровию исполнения.

Вот как погиб отец. Он поверил собственным глазам. Сделал то, чего нельзя делать. Слишком мало выждал.

Боже оказался удачливей – потому что ждал дольше. И начал сомневаться в том, что видел. А потом решил перестраховаться дурацкой куклой с кетчупом вместо мозгов – и сберег свои собственные.

Видимо, ТОТ тоже **очень** хотел убить черногорца.

Не было ни двух, ни трех снайперов в развалинах.

Были **куклы**, которые там выставляли ночью.

Не было выстрелов из развалин. Вернее – были, но неприцельные, **в сторону** русских.

А на самом деле стреляли **через** развалины. Из того самого окна за ними, в четырехстах метрах. Виртуозные выстрелы!!!

И был провод электроспуска, соединявшего винтовку в руках куклы с винтовкой в руках снайпера.

Вот откуда эффект «двойного» выстрела!

Два, а не двойной.

Снайпер стреляет через развалины – прицельно. Но одновременно стреляет и кукла – наудачу! И те, кто выслеживает снайпера, видят куклу.

Куклу, которая стреляет. Они стреляют в ответ. «Убивают». Докладывают.

А снайпер жив. И продолжает свое дело. Ему плевать, скольких его кукол запишут на свои счета снайпера обороняющихся.

Но сейчас – сейчас он сам на крючке. Потому что он **видел**, как убил Боже. И наверняка **видит** винтовку, торчащую из трещины, и окровавленную голову за ней, на которую уже летят мухи. Они любят кетчуп...

Только одно окно. С нелепой занавеской, из-за которой давно стреляют только новички. С такой нелепой, что хочется усмехнуться и отвернуться от нее.

Боже выставил дальность прицела и замер в ожидании...

...Чучело появилось ночью. Боже усмехнулся про себя. На казачьих позициях кто-то играл на гармошке.

Сейчас ОН должен отметить... есть!

Одна из складок на шторке разошлась и оказалась разрезом. В нем появился длинный массивный ствол. Качнулся и замер.

Боже нажал спуск...

...Единственное, чего он не мог теперь – **уйти не посмотрев**. Боже знал, что это глупость. Но он не мог. Просто – **НЕ МОГ**. Он должен был пробраться туда и глянуть – кто? Какой он?

Отец бы понял.

Бережно отложив «мосинку», Боже проверил себя. Четыре «РГД-5». Старый немецкий «вальтер» в открытой кобуре – с запасным магазином. Бебут в ножнах у правого бедра. «Винторез» с тремя запасными магазинами.

Он выждал еще. Снял и отложил к винтовке бинокль. И начал выбираться из укрытия.

* * *

В подъезде лежала каска. Пахло трупами. Боже остановился, прислушиваясь, принюхиваясь, вглядываясь.

Никого. Тут нет никого живого. А вон – та дверь, за которой комната с тюлевой занавеской.

Он сделал еще два шага – и почувствовал, как под левой ногой порвался проводок.

Прыгая назад изо всех сил и понимая, что **не успевает**, Боже не испугался, не удивился. Он чувствовал только досаду. Досаду на свою глупость.

Взрыва «Элси», которой снайпер аккуратно и педантично прикрыл подход к себе с тыла, он уже не услышал.

* * *

Первое, что Боже увидел над собой, был потолок какой-то комнаты – сложенный из серых плит, в отблесках костра.

Первое, что он подумал:

«Плен».

Раз он жив, но не лежит на камнях снаружи, а лежит в каком-то помещении – значит, это может быть только плен. Его подобрали враги и перетащили куда-то.

Он попытался пошевелиться, но наплыла такая дурнота, такая слабость, что Боже бес- сильно обмяк и прикрыл глаза, собираясь с силами.

Он хорошо себе представлял, что с ним сделают. Сперва ему отрежут указатель- ные пальцы. Обязательно. Потом – по одному кусочку тела за каждую метку на прикладе «мосинки». (Ах да, «мосинка» осталась на лежке. Но и на «Винторезе» кое-что есть...) Потом... потом – что-то еще придумают. Долгое и сложное, конечно.

Ему не было страшно, хотя он очень ярко представит себе все это. Что ж. Значит, так будет. Его предкам турки выдумывали самые мучительные казни, потому что боялись отваж- ных гайдуков. Это честь – умереть в муках, тем самым он станет ближе к сонму героев преж- них веков. Надо только принять смерть достойно.

Боже попытался вспомнить молитву, но не смог. Зато на ум пришли с детства знакомые строки «Небесной литургии»:

...Због којих си на крсту висио;
Али твоја љубав све покрива,
Из љубави незнаније јављаш,
Из љубави ти о знаном питаш,
Да ти кажем што ти боље знадеш...

Дальше он прошептал вслух – зачем прятаться, пусть видят, что он очнулся – а как молитва это ничем не хуже любой другой, церковной:

Нису Срби кано што су били.
Лошији су него пред Косовом,
На зло су се свако измјенили...⁶

– Очнулся? – услышал он тихий – вернее, приглушенный – но звонкий голос. И удив- ленно повернул голову – все-таки сумел, хотя в ней перекачивался жидкий шар, смешанный из горячей ртути и боли.

Комната, в которой он находился, была небольшой, без окон – подвал или погреб... Костер горел у дальней стены, под поблескивающей решеткой вентиляции, прямо на полу, но между нескольких кирпичей, образующих примитивный и надежный очаг; на огне – там горели не дрова, а большие пластины сухого горючего – булькали два котелка. На большом толстом листе пенорезины лежали несколько одеял. Рядом – два больших ящика, с чем – не

⁶ Николай Велимирович (1880–1956) – епископ Сербской православной церкви.

поймешь. На одном – две ручные гранаты, вроде бы американские, пистолет в маскировочной кобуре, пустые ножны от ножа, бинокль с длинными блендами. К другому был прислонен короткий «М4»-«Колт» с барабанным магазином на пятьдесят патронов. По другую сторону костра стоял на тонких ножках десантный «М249» со свисающей лентой. Его частично закрывала наброшенная серо-черно-зелено-желто-коричневая бесформенная масса, вроде бы – накидка, похожая на накидку самого Боже.

Почему-то все это Боже увидел раньше, чем самого хозяина подвала. Может быть – потому что хозяина пока еще трудно было заметить, тем более – сидящим на корточках. Ему – хозяину – было лет десять-двенадцать. Не больше. И он смотрел на Боже с улыбкой.

Это был мальчишка. Боже сперва не поверил – мальчишка действительно на четыре-пять лет младше его самого, да еще вдобавок то ли тощий от природы, то ли здорово похудевший. Лохматый – волосы, чтоб не мешали, он перетянул полоской маскировочной ткани, и они завивались вполне грязными прядями на ушах, висках и шее. Курносый, глаза светлые. (Вообще-то таких мальчишек Боже повидал тут десятки. То, что среди русских мало черноволосых, казалось ему сперва даже немного неприятным. Потом привык... Так вот этот – этот был типичным русским.) Пухлые губы, физиономия весьма самостоятельная и довольно чумазая. Но улыбался он искренне и немного смущенно. А одет был в пятнистую майку и такие же брюки (по росту). Обувка – неопознаваемого цвета почти бесформенные кроссовки – стояла возле огня.

– Где я? – вспомнил Боже русский язык.

Покосился – его оружие и снаряжение лежали в ногах такого же, как возле огня, листа пенорезины, – а сам он лежал на этом листе. И тоже на одеялах. Нет, точно не плен. От облегчения заломило виски, перед глазами поплыл цветной переливающийся занавес. Но где он? Русские даже в худшие времена таких маленьких, как этот явно по-хозяйски обосновавшийся тут пацан, не брали ни в ополчение, ни, тем более, в дружины РНВ. Да таких даже у пионеров «на линию» не пускают!

Русский мальчишка пожал плечами. Помешал ножом в котелке.

– У меня, – ответил он. – Да ты не бойся, тут безопасно.

– Я не боюсь, – сказал Боже. – Что со мной было? Я подорвался... а дальше?

– Ты подорвался, а я тебя подобрал и стащил сюда, – мальчишка повел вокруг рукой с ножом. – Я сперва думал, что ты шахматист.

– Кто? – Боже показалось, что он опять перестает понимать происходящее... или русский язык по крайней мере.

– Хорват, – мальчишка нарисовал на стене клеточки усташского флага. – Ты по-ихнему говорил.

– Не по-ихнему. У нас просто один язык... – угрюмо сказал Боже. – Я черногорец. Из... в общем, я за русских.

– Я понял, – кивнул мальчишка. – Потом.

– Да кто ты? – почти умоляюще спросил Боже.

– Меня зовут Сережка, – просто сказал мальчишка.

Education of NATO

Темнота была полна шумом – постоянным и слитным.

Темноту то и дело рассекали световые мечи с вышек – длинные, плотные, белые. Временами они опускались, освещая море людских голов, до дикой странности похожее на бесконечное кочковатое болото. Жестяной голос, множившийся в расставленных по периметру фильтрационного лагеря № 5 звуковых колонках повторял снова и снова:

– Просим сохранять спокойствие ради вашей же безопасности! Пребывание в лагере не будет долгим! В пытающихся покинуть территорию лагеря охрана будет стрелять на поражение! Администрация лагеря выражает надежду, что ваше пребывание у нас будет приятным!

Господи, чушь какая, тоскливо подумал Юрка, глядя в землю между ног. Поднимать голову не хотелось. Если честно, не очень хотелось и жить. Еще больше не хотелось слушать то, что творилось вокруг.

Кто-то стонал. Кто-то плакал. Кто-то истерически хохотал. Кто-то, ухитрившись заснуть, раздражающе храпел. Но больше всего доставал Юрку сосед слева – молодой мужик в грязной растерзанной форме лейтенанта танковых войск. Держась обеими руками за голову, он раскачивался по кругу и говорил:

– Как они нас... ой, как они нас... господи боже, как они нас... ведь ничего не осталось... ой, как они нас...

Больше всего Юрке хотелось, чтобы лейтенант заткнулся. Но, слушая его бесконечный горячечный бред, парень вдруг поймал себя на мысли, что ему тоже хочется простонать: «Ой, как они нас...»

* * *

День светлый был, как назло. Поле с высоким травостоем. И они в этом поле... «Апачи» по головам ходили. Вот когда впору было молиться, да где там – изо всего целиком только «Мама!» и вспоминалось. Укрыться негде, негде спрятаться. Падаешь в хлеб, а он от винтов расступается, волнами ложится, открывает... Колосья к земле гнутся, словно им тоже страшно. Кричишь – себя не слышно. Воют винты, да НУРСы шипят. День был в том поле, а для них – все равно что ночь...

Батяня мечется по полю, того ботинком, другого... Юрке тоже досталось – в бок прямо, с размаху. Орет Батяня: «Встать! Огонь!» А какой огонь, из чего – в отряде не то что «Стрелы» нет, заваливающих гранатометов не осталось, все полегли на госдороге, когда колонну раскромсали... Из автомата в вертолет стрелять? Земля сыплется в лицо, за ворот, слышно, как снаряды хлюпают, не свистят, хлюпают именно, землю фонтанами подбрасывают... Потом словно дождем брызнуло сверху. Развернулся – а на нем чья-то нога лежит, по самое бедро оторванная, и кость блестит розовым, а в колене нога – дерг, дерг...

Многие стреляют все-таки, на спину перевернулись или с колена палят... А вертушки ходят кругами, ныряют – нырнут, и ошметки то от одного, то от другого... Юрка выл, лежал и выл, от трусости своей, от страха, который встать не дает, от жалости – тех, с кем он уже вот две недели сухари делил, в ключья разносит прямо на глазах, а как помочь?... Батяня как бешеный стал, глаза белые, на губах – пена... Кричит, поднимает – страшно, сейчас стрелять начнет. Кричит, а вставить еще страшнее...

Попали в него. Осколками НУРСа попали, лежит он, бедро зажал, грудь справа зажал, а между пальцев – струйки, и пальцы – как лакированные, красиво почти... Вот тут Юрку подняло. Не думал он ни о каком героизме, не думал о «сам погибай, а товарища выручай»... Просто... ну, не объяснишь это. Командир, он и есть командир. Учил, насмехался, интересные

истории рассказывал про свою жизнь, семью вспоминал, которая под Воронежем пропала... Сердитый и справедливый. Командир и старший друг... Как тут бросить? Юрка его подцепил под мышки, поволок к кустам, а он без сознания, сам тяжелый, снаряжение тяжелое, руки отрываются, ноги скользят по траве, а вертушки зудят и лупят, лупят... Сто раз умирал Юрка, но командира не бросил. В слезах, в соплях, в голос орал – но волок, волок...

Наверное, его бы и убили, не протащил бы он Батяню эти проклятые триста метров... Но ведь не один был он на этом поле чертовом. То ли другие только сейчас заметили, что командир ранен, то ли стыдно стало смотреть, как мальчишка надрывается – но только подскочили сразу двое. Перехватили, потащили истекающее кровью тело командира. Юрка оружие его подхватил, следом побежал. Бежать стало не так страшно, как на месте оставаться...

Командира оставили у... у надежного человека с еще двумя, тоже «тяжелыми», а сами пошли. Куда? Просто так пошли, и все, никуда. Юрка, да еще трое оставались. Остальных то ли убило, то ли разбежались просто... И Светка пропала куда-то. Он по но-

чам зубами скрипел – от тоски, от злости, от ненависти. От того, что больше ее не увидит. Страха уже не осталось, выгорел весь страх на том поле...

Взяли Юрку на проселочной дороге, когда он шагал в деревню, посмотреть, нет ли еды у местных. Вывалились из кустов втроем, а как же – не в одиночку же на полуголодного шестнадцатилетнего парнишку идти... Хорошо еще, не было при нем ни оружия, ни даже формы – так, сбродная одежда, такую кто угодно может носить. Иначе расстреляли бы на месте, точно.

Вот только иногда думалось: может, лучше бы, чтоб расстреляли...

А потом пришло равнодушие.

Он уже знал, что из фильтрационного лагеря его не сегодня завтра переведут в лагерь для несовершеннолетних – под Воронежские Грязи.

Ну и пусть.

– Как они нас... как они нас так... господи боже, как они нас... все кончено, господи боже... ой, как они нас... – шептал и шептал лейтенант.

* * *

Двенадцать метров – это очень много. С разбегу не перепрыгнешь, как раз приземлишься на колючку. И тут какой разбег, если полоса от самой стены. Влезть на барак? По крыше не разбежишься, она сильно в обратную сторону поката...

... – Задержанный номер восемь на месте!..

...До чего же холодно босиком стоять... Вообще-то эти сволочи все рассчитали точно. Всех делов-то: отнять обувь, а вокруг барачных настелить сплошняком колючую проволоку и густо набросать битые бутылки. Бараки – квадратом, в центр – вышку с пулеметами на четыре стороны. Пусть бегут, кто хочет. Как раз ноги оставит...

... – Задержанный номер одиннадцать на месте!..

А бежать надо, надо бежать... И не в каком-то долге дело. А просто – сравнивать ему не с чем, он о концлагерях только от Олега Николаевича в школе слышал, но это концлагерь. Хуже любого немецкого, о которых еще и кино показывали. Неужели это и правда было – кино, дискотеки, Светка? И невозможно было поверить в войну... Как сейчас невозможно поверить в то, что может быть мир. В то, что мама с Никиткой жили... Это-то и опасно – поверить, что такая жизнь – навсегда, смириться. Они только этого и ждут... А ведь он и так почти сломался в фильтрационке...

... – Задержанный номер двадцать два на месте!..

...«Задержанные». Не военнопленные, а задержанные. Ну, правильно, несовершеннолетний военнопленным быть не может. А задержанным – сколько угодно, хоть помри. Задержанному можно и пластиковый мешок на голову натянуть, и одноразовые наручники (от которых кожа слезает лохмотьями) на запястьях затянуть. Для него Женевские конвенции не писаны... Что там училка в школе о гуманном обращении говорила? Посмотрела бы она сейчас на такое вот «обращение». Тысяча мальчишек и девочек, младшим семь (с этого возраста можно взять у родителей), старшим семнадцать, двумя квадратами стоят босиком на ноябрьском асфальте и откликаются по номерам, без имен...

... – Задержанный номер двадцать восемь на месте!..

До чего же паскудно... Раньше думал: разные там честь, достоинство – выдумка все это, из книжек. К партизанам прибилсь, потому что один боялся остаться. А больно бывает, когда бьют... А оказывается, когда вот так: унижают – в сто раз сильнее, в тыщу! И ничего не сделать, ничего не противопоставить... С отчаяния молиться пробовал – не помогает... Молиться – смешно... Батяня в Бога не верил, хотя и не запрещал никому... Он говорил, что человек сам свою судьбу решает. Хочется верить. Очень боль-

но, а как жить, если об тебя ноги вытирают проходя?... Если то и дело кого-то увозят и не скрывают – куда. «На исследования», «на лечение», «на усыновление»... И ты должен быть благодарен администрации ООН за заботу, за то, что тебя спасут из этой варварской страны...

... – Задержанный номер сорок три на месте!..

...Задержанный номер сорок три – это он, Юрка Климов, шестнадцать лет, из партизанского отряда Батяни. Только он назвался Сашкой Зиминим. Просто так, что в голову пришло, чтобы себя не выдавать...

... – Задержанный номер сорок девять на месте!..

Сорок девятый – это Вовка Артемьев, один из тех двух, на которых он, Юрка, «глаз положил». А может, и не Вовка он, и не Артемьев, да это и не важно – парень молчаливый, надежный вроде бы, тоже в партизанах успел побывать. Он и не распространялся об этом... Тут такие разговоры – верная гибель. Увезут и галоперидол колоть будут, а там – все, дорога только на грядку, в овощи...

... – Задержанный номер шестьдесят пять на месте!..

...А вот еще один вроде бы подходящий парень. Сынок «нового русского», «олигарха из средних», папашу которого янки шантажировали сыном. Когда из папашы выкачали все деньги, то его просто шлепнули (совершенно недемократично), а сына сунули сюда. Славка Штауб – яркое подтверждение того, что у отцов-сволочей (а папочка его, как ни суди, был сволочь) вырастают иной раз хорошие дети. Хотя, может, он стал таким именно под влиянием «хорошей жизни» здесь?

... – Задержанный номер семьдесят на месте!..

...Надо же. Откликнулся. Юрка чуть повернул голову. Этот мальчишка – не старше двенадцати лет, а то и младше – появился в лагере вообще-то четыре дня назад и попал в Юркин барак, но Юрка о нем ничего не знал. Просто потому, что буквально через час после прибытия, когда проверяли на предмет вшей (весь этот час мальчишка просидел на нарах, уткнув висок в поднятые к лицу колени и глядя в стену – ни с кем не разговаривал и на вопросы не отвечал; а место его оказалось как раз рядом с Юркой), он отмочил фокус. Юрка сам ненавидел эти осмотры – потому что проводивший их врач на русском языке отпускал оскорбительные замечания о русских свиньях, грязных тварях и прочем. Но терпел. А новенький мальчишка, как только врач взялся за его волосы, вдруг сделал неуправляемое движение головой – и... и врач взвыл, а потом тоненько заверещал под одобрительный хохот барака. Мелкий буквально повис на его руке, как бультерьер – вцепившись зубами в запястье. Охрана с трудом оторвала его от

верещающего врача (запястье оказалось пожевано капитально) и утащила в карцер. А тут вот – объявился. Правда, с разбитым в кровь лицом и, кажется, поумневший. Может, и жаль...

...Очень много это – двенадцать метров. Не перепрыгнуть. Никак.

* * *

В бараке было темно.

Юрка лежал с открытыми глазами, глядя в темный пластик нар второго яруса.

Он слушал. Он не знал, кто это поет, но кто-то пел в темноте и стонущей тишине барака – пел без сопровождения, ломким мальчишеским голосом. И слова песни были такими, что никто не кричал, не просил заткнуться – как это почти всегда бывало даже при тихих ночных разговорах. И это было тем более странно и даже дико, что еще месяц назад никто – ну, почти никто! – из этих мальчишек, запертых в бараке на оккупированной земле, **не стал бы слушать** такую песню...

Где ты, Родина, русских кос венки,
Материнское молоко,
Колокольный звон, в борозде зерно,
сосны старые над Окой?
Где ты, Родина? Ветер вздохами
разговляется в тишине.
Труп твой высмеян скоморохами,
Имя продано сатане.
Тьму могильную не смогла заря
Солнцем выкрестить на куски.
Кто убил тебя, ясноглазая,
Да не дал отпеть по-людски?
Онемевшие кривы звонницы,
Нелюдь празднует – пир горой...
Нету Родины, мертвы вольницы,
Братья почили в дерн сырой.

Юрка сжал веки. Сжал так, что заломило глаза. И почувствовал, как по щекам щекотно и горячо текут слезы...

Или с выселок тянет копотью,
Иль чумные костры горят?
Да стремниною далеко ладью
За моря несет, за моря...⁷

– Неужели – все?! – простонал, сам того не ожидая, Юрка.

И услышал слева шепот – тихий и горячий:

– Тебя ведь Юрка зовут?

Юрка узнал голос новенького – ну да, кто еще мог оттуда спрашивать? Но отвечать не стал. Во-первых – понял, что младший слышал, как он плачет. А во-вторых... во-вторых – пришел страх. А если... ведь Юрка знал, что в каждом бараке есть провокаторы и доносчики. И не по одному.

⁷ Стихи Ю. Онищенко.

– Ты ведь Юрка? – настойчиво шептал мальчишка. – Я знаю, про что ты думаешь... я не обижаюсь, но я не стукач, правда...

Смешно.

Смешно, но Юрка поверил этому настойчивому, немного обиженному, сбивающемуся голосу. И повернулся лицом к новенькому.

– Что ты хотел?

* * *

До одиннадцати лет Сережка Ларионов был уверен, что жизнь – штука хорошая.

Нет, в ней могло быть разное. Могли отлупить в драке. Могли случиться неприятности с уроками, после которых не хочется идти домой. Могло стать страшно ночью в комнате. Наконец, взрослые часто говорили о каких-то проблемах – не очень понятных Сережке, но, конечно, реальных.

Но жизнь была штукой хорошей, несомненно. И папка – майор гарнизонной комендатуры, бывший десантник, переведшийся в Воронеж, чтобы не мотаться по стране с Сережкой и только-только родившейся Катькой, младшей сестричкой, – так и говорил, поднимая сына к потолку квартиры, когда возвращался со службы: «Хорошая штука жизнь, а, Серега?!» И Сережка со смехом кивал из-под потолка, потому что иначе быть не могло. В жизни были интересные книжки, интересные фильмы, друзья по секции бокса, школа (не такое уж плохое место), самые лучшие на свете мама с папой... ну и даже Катька, что уж...

Он понял, что – могло. **Могло быть иначе.** Но не тогда, когда отец буквально забросил их в кузов комендатурского «ГАЗ-66» и, крикнув маме: «Не смейте искать, сидите в стожке!» – побежал куда-то, тяжелой и ровной побейкой, и мама заплакала, и Катька заревела, и Сережка... а, что скрывать... Нет, не тогда. И не тогда, когда они в шумной, перепуганной, мечущейся колонне беженцев кое-как ехали – а потом, когда стало невозможно проехать, шли – по дороге на северо-восток. Нет, еще не тогда.

Но потом налетели похожие на черные кресты машины.

Сережка не любил это вспоминать. Они остались живы, потому что мама спрыгнула с дочкой в глубокую канаву, сдернула замершего на краю с открытым ртом сына – и притиснула детей к откосу, закрыв собой.

Вот так для Сережки началась война, которая шла до этого уже несколько дней, но которой он не понимал и в которую не мог поверить, потому что происходящее в книгах и фильмах не может произойти в жизни.

Когда они вылезли из канавы – засыпанные землей, оглушенные, – мама тихо охнула и прижала к себе лицо Катьки. А Сережка **увидел**. Увидел, что нет больше колонны беженцев. Горели машины – черным пламенем. Лежали сотни мертвых людей – на дороге, по сторонам... А у самых ног Сережки дымилась оторванная человеческая голова.

Потом они шли. Шли несколько дней, и все эти дни Сережка – усталый, голодный, измученный – упрямо верил, что вот сейчас, вот сейчас, вот сейчас... Вот сейчас будут наши. **Наши**, не может же не быть их – наших, не могли никуда пропасть все те люди, кого показывали в новостях, в кинофильмах, которые любил Сережка – «Тайна «Волчьей пасти», «Грозовые ворота», «Прорыв», «Атаман»... Они придут (и с ними придет папка, конечно, придет!) и заставят заплатить тех гадов, которые сидели в черных машинах, похожих на кресты, зачеркнувшие небо – и прошлую жизнь.

Так должно, должно было случиться! Потому что – ну потому что ведь не могут наши не победить! А враги... врагов себе Сережка не представлял даже. То ли орки, то ли фашисты... и в любом случае – отец их победит!

Но наших не было. Была искалеченная, забитая растерянными людьми дорога. А потом – когда до цели уже оставалось недалеко – впереди Сережка увидел идущие машины.

Их было много. Пятнистые, они шли по две в ряд, и люди разбегались с дороги. Огромные, бесчисленные, эти машины пожирали мир, как лангольеры из книги писателя Кинга.

Тогда колонна прошла мимо. Но Сережка, стоявший на обочине, видел даже цвет глаз сидящих наверху рослых уверенных солдат в серо-зелено-коричневой форме, громоздкой, жутковатой броне, видел темные блики на их оружии, таком же чужом, какими чужими были на светлой, солнечной лесной дороге врезавшиеся в теплый летний русский полдень и эти машины, и эти смеющиеся люди... Во всем увиденном была неправильность, страшная и наглая – в их молотящих жвачку челюстях (Сережка и сам любил ее пожевать), в задранных на каски больших очках, в том туристском выражении, с которым они посматривали по сторонам. Даже не хозяйском, а именно – туристском. Они пришли сюда не отобрать у русских землю, а испакостить ее, посмеяться над ней – и покатить дальше на своих угловатых высоких машинах.

И кто-то из них кинул Сережке – к тем самым ногам, возле которых за три дня до этого лежала человеческая голова, – шоколадку со знакомой надписью «Mars».

И это было ужасно, хотя Сережка не взялся бы объяснить – почему. Тогда он просто сжал кулаки и долго смотрел вслед последней машине – без мыслей и без слов.

В тот вечер они заночевали возле дороги, как и раньше. Сережка проснулся за полночь, потому что кругом кричали и метались люди, светили прожектора, раздавались выстрелы... Мама затащила их с Катькой поглубже в густые кусты. Кого-то схватили прямо рядом с кустами, опять стреляли. Кричали дети, ревели моторы на шоссе, и все было, как в страшном сне.

Потом кто-то, ругаясь на полупонятном языке, стал раздвигать кусты, где прятались Ларионовы. Сережка ощутил, как сжалась и обмерла мама, – и понял, именно в этот момент понял, что она сейчас не защита ни ему, ни Катке. А... кто защита? Папка?

И тогда Сережка шепнул маме: «Сидите тихо, понятно?!» – как будто она была младше его. А сам метнулся в сторону – так, чтобы побольше шуметь.

Мальчишку схватили сразу. Бросили наземь, и он увидел возле своего лица – не дальше руки – черный зрачок автомата. «Калашникова», но не такого, какой не раз видел и из какого даже стрелял Сережка. На стволе играли блики какого-то близкого пожара. Рослый человек с закопченным лицом что-то полупонятно спросил. Подошли еще несколько – смеющиеся, с клетчатými значками на рукавах. И один аккуратно нанизывал на тонкую леску... **человеческие уши**.

Кто-то спросил Сережку:

– Кто ты ест?

Ему было страшно. Ему было очень страшно. Но, поднявшись на ноги, мальчишка ответил:

– Сергей, – почти спокойным голосом. Краем глаза он видел, что в кусты больше никто не суется – и это было главное... – Ларионов. Сергей.

– Ты ест мертвяк, – засмеялся тот, с ушами. А тот, что сбил мальчишку наземь, приставил к голове Сережки автомат и крикнул:

– Айде, моля код жиче!

– Проси жит, – сказал тот, со страшным ожерельем. – Проси, что хочеш жит.

– Реко се – моля! – озлобленно рыкнул целившийся в Сережку. И мальчишка увидел, что палец его играет на курке, как заведенный. – Моля, сука православа!ска!

– Нет, – сказал Сережа.

Он сам не знал, почему так сказал. И хотел только одного – ну лишь бы мама... и Катка... И еще знал, что папка – папка его поймет.

– Моля!!! – взревел целившийся в него. Ударом приклада в спину сбил охнувшего мальчишку наземь, перевернул, наступил ногой на грудь и приставил ствол ко лбу. – Моля, а?!

– Стоймо! – повелительно окликнул кто-то.

Автомат отодвинулся, но его хозяин еще дернул стволом и выкрикнул, пугая мальчишку:

– Пуц!

И засмеялся. Они все засмеялись. А подошедший офицер – у него были звездочки на погонах – спросил:

– Ты ест кто, мали? Где ест мамо?

– Не знаю, – тихо сказал Сережка, вставая. Спина болела, кожа на лбу была рассечена стволом, по лицу текла кровь.

Офицер поморщился:

– Кто ест ойце?

И тогда Сережка сказал – по-прежнему тихо, но упрямо:

– Мой отец – русский офицер.

Может быть – и даже наверняка – он зря это сказал (хотя именно эти слова и спасли ему жизнь). Но ему хотелось, чтобы эти существа, похожие на людей и даже говорившие на полужнакомом языке, поняли – на свете есть русские офицеры. И самому ему, Сережке, нужно было укрепиться в этой мысли, потому что она значила одно – еще не все пропало...

* * *

– Моя мама тоже погибла во время бомбежки, – сказал Юрка. Он уже много лет не называл мать «мамой», а тут – назвал, и прозвучало это совершенно естественно. – Мама и Никитка... мой братишка. Не родной по отцу, но как настоящий. Ему столько же было, сколько тебе... Они выбирались из Кирсанова, это город такой в Тамбовской области. Я был в спортлагере... я боксом занимался, ну и поехал...

– Я тоже! – обрадовался Сережка, но осекся и вздохнул: – Извини... Я слушаю.

– Да... В общем, когда все это началось, руководители нас бросили. Удрали.

– Вот сволочи! – почти выкрикнул Сережка.

– Ну... – Юрка хотел сказать, что они думали о своих семьях, но потом искренне согласился: – Да. Сволочи. Ну, мы добивались, кто как мог. Я сейчас думаю – наверное, надо было вместе держаться. А тогда просто разбежались. Ну вот. И я прямо около дороги нашел их могилу. Крест, табличка из фанерки, и на ней приписано ниже: «Юрка, если найдешь это, добивайся в Воронеж, я там!» Это мой отчим написал... понимал, что я так и так буду по этой дороге возвращаться... Он хороший мужик. Ну, я поревел, конечно... – Сережка сочувственно сопел в темноте, и от этого сопения признаваться было не стыдно. – И пошел. Но не дошел, встретил партизан Батяни. Он был раньше офицером, а тут собрал отряд, и мы в воронежских лесах партизанили. Только недолго, – со вздохом признался Юрка. – Нас выследили беспилотниками, потом накрыли десантами, вертушками... выгнали на открытое место, как начали долбать... – Юрка передернулся от снова накатившего ужаса. – Только пятеро и уцелели. Батяню ранило, мы его на одном там кордоне спрятали. А сами пошли обратно в лес. Тогда я и попался – за едой ходил в деревню. Хорошо еще, решили, что я просто бродяжка...

– Тебе хорошо, – вдруг сказал Сережка.

Юрка недоуменно приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в темноте, не шутит ли мальчишка. Но увидел только блеск глаз и услышал, как Сережка повторил:

– Тебе хорошо. Ты воевал. А я только прятался.

– Я бы, наверное, не смог, как ты, – возразил Юрка. – Думаешь, воевать – это самое сложное? Я был в фильтрационном лагере... оттуда, наверное, можно было бы сбежать, там такая неразбериха была... А я обмер. Сидел и ничего не делал... – и неожиданно для самого

себя спросил у младшего – так, словно тот был командиром: – И что ты собираешься делать теперь?

– Бежать, – твердо ответил Сережка. Так ответил, что у Юрки не осталось сомнений в том, что младший мальчишка говорит искренне. – Бежать и воевать.

– Воевать? – В голосе Юрки прозвучала ирония (он сам этого не хотел, но прозвучала, уж больно смешно и претенциозно это было – такое заявление в устах одиннадцатилетнего пацана).

– Воевать! – Сережка вспыхнул, это было слышно по голосу. Потом он помолчал и неожиданно рассудительно и жутко сказал: – Понимаешь, Юр... это очень страшно – воевать, я видел... но, если мы их не прогоним, то **они не дадут нам жить**. Просто не дадут, **нас не будет. Совсем**. А я так не хочу, и не могу так жить. Я лучше умру, но...

Ясно было, что у мальчишки нет слов, чтобы высказать то, что он думает. Но у Юрки они были, и он тихо сказал:

– Но сражаясь. Да?

– Да, – выдохнул Сережка. – Я решил. Мне бы выбраться и пробраться в Воронеж. Я слышал... – шепот Сережки защекотал ухо Юрке, – они говорили... Воронеж держится. Там наш генерал Ромашов их не пускает.

– Ты... правду говоришь? – сдавленно спросил Юрка. В нем вдруг вспыхнула надежда.

До этого он сам не очень понимал, почему думает о побеге, что собирается делать, если сбежит-таки. Ему казалось, что вместе с отрядом Батяни кончилось вообще все организованное сопротивление. И вдруг оказалось...

– Правду? – почти умоляюще спросил Юрка снова.

– Они так говорили, – прошептал Сережка. – Ругались – одуреть, как ругались... Юрка, а знаешь? – В голосе Сережки проскользнуло ликование. – Они боятся. Правда боятся. Боятся, что их пошлют в Воронеж. И говорят, что и другие места есть... и партизан много... А если они сами боятся, то почему их должен бояться я?

В этом заявлении была довольно глупая, но искренняя логика. Если бы Юрка был старше – он бы, наверное, посмеялся... но ему и самому было всего шестнадцать лет. Поэтому он сказал:

– Есть еще двое ребят... младше меня, но старше тебя... Завтра я тебя с ними познакомлю. И будем думать. Правда, – признался Юрка, – я не знаю, что тут можно придумать. И как. Уже всю голову себе сломал.

– Придумаем, – непоколебимо-уверенно сказал Сережка. – Не можем не придумать.

* * *

Он все-таки успел уснуть и вздрогнул, когда старшие мальчишки растолкали его. Все было обговорено заранее. Юрка, Славка и Вовка начали тихо снимать с нар лежаки – большие, закрепленные в пазах листы пластика. Сережка подошел к двери и притих около нее, прислушиваясь. Делалось это очень тихо – никто в бараке больше не проснулся или, проснувшись, сделал вид, что это его не касается. Когда подошедший Вовка кивнул Сережке, тот нажал кнопку рядом с косяком и, когда загорелась зеленая кнопка, прохныкал:

– Дяденька охранник... мне в туалет... очень... мне по-большому...

В ответ раздалась приглушенная матерная брань разбуженного хорвата. Но Сережка продолжал ныть и скулить, даже подпрыгивая на одном месте для убедительности, как будто его могли видеть снаружи – и в конце концов в двери щелкнул фиксатор замка. Скорее всего охранник собирался просто вздуть надоедливую мальчишку, а не водить его по сортирам, да потом пару раз сунуть головой в ящик биотуалета в дальнем углу барака – как уже делали пару раз со слишком стеснительными. Но привести в исполнение это желание ему не удалось.

Стоило ему войти, как Юрка с размаху изо всех сил рубанул его в горло – в кадык – ребром пластикового листа. Хорват коротко хрипнул и повалился на руки Славке и Вовке.

– Блин, он без оружия, – прошептал Славка. – Шокер один.

– Черт с ним, – ответил Юрка. – Скорее давайте, бежим, ну!

Они вышли. Осторожно, крадучись. И почти тут же в бараке кто-то завопил – срывая голос, с визгом:

– Убегают! Охрана, убегают же!!!

Сережка с отнюдь не детским ругательством метнулся обратно, но Вовка пинком (руки были заняты) направил его в сторону соседнего барака, прошипев:

– Бежим, все равно теперь, ну?!

Взревела сирена. Мальчишки мчались со всех ног, волоча настилы. Лучи прожекторов заметались по периметру лагеря, но все получилось так, как и рассчитывал Вовка – стена барака прикрывала беглецов, им надо было сделать еще один рывок, только один.

Откуда черти вынесли солдата – Юрка так и не понял, ни тогда, ни позднее. Вовка врезался в него со всей дури, охранник, выпустив автомат, полетел наземь, и Сережка на бегу механически подхватил оружие за ремень. Но почти тут же раздались крики, звуки борьбы – оглянувшись, мальчишки увидели, что Вовка барахтается на земле. Солдат схватил его и пытался скрутить. Вовка тщетно вырывался из рук здорового, хотя и ошалелого мужика, пинался, кусался и орал:

– Бегите, бегите, не стойте, бегите же!!!

– Беги! – Юрка подтолкнул в спину замешкавшегося и вскинувшего автомат Сережку. – Беги, не поможем, только сами пропадем, беги!

Славка уже был около контрольной полосы и с размаху грохнул на нее лист пластика. Вот это и было самое «узкое» место всего плана. Три листа – шесть метров – одна перекладка. Но один лист валялся там, где все еще дрались Вовка и солдат. Сейчас Юрка готов был наорать на Сережку за то, что тот подобрал не пластик, а автомат... Впрочем, Сережка вряд ли утащил бы неудобный большущий лист. Да и поздно было что-то выяснять, менять – надо было теперь идти до конца, действовать – и надеяться на лучшее.

Луч прожектора нашарил их, когда все трое стояли на одном листе в каких-то четырех метрах от конца полосы. На миг мальчишек словно приварило к месту этим иссушающе-могучим, мертвящим светом, но уже через пару секунд Славка шваркнул перед собой лист, перешел на него... как вдруг что-то хлопаяще засвистело вокруг, с шипением взрыло землю. Юрка понял, что это – понял сразу и с трудом подавил инстинктивное желание броситься наземь. А Славка охнул, перекосясь вбок всем телом, сделал два неуверенных шага вперед и, оттолкнув руку отчаянно вскрикнувшего Сережки, который попытался подхватить падающего товарища, плашмя рухнул на колючую проволоку и осколки стекла.

– Бегите... по... мне... – услышал Юрка. Славка дернулся и простонал, видя, что ребята медлят: – Скорее... придурки... пропаде...те...

Он дернулся еще раз и замер.

Всю жизнь потом Юрка думал, надеялся неистово, что Славка уже все-таки был мертв, когда они с Сережкой пробежали по его телу, чтобы последним прыжком достичь безопасной земли – и кустов за ней.

* * *

Что уйти не удастся, Юрка понял, когда они лежали в кустах вдоль дороги – тяжело дыша и слушая, как в ста метрах от них разгружаются с грузовиков солдаты. Бежать мальчишки не могли – ноги не держали, они бежали до рассвета, разодрали в кровь лица и руки и теперь должны были хотя бы пару минут передохнуть. А потом бежать будет уже поздно.

Сережка лежал на спине, глотая воздух широко открытым ртом, грудь ходила ходуном. Юрка, распластавшись на животе и держа наготове «калашников», думал.

И когда обдумал все, то заговорил:

– А сейчас мы сделаем вот что...

Юрка перевернулся на бок и внимательно посмотрел на Сережку. Младший мальчишка часто дышал, прислушивался к шуму и говору на шоссе, но в глазах его не было страха, и Юрка мысленно ругнулся... и сжался. Никитка вел бы себя так же, хоть внешне они совершенно не были похожи.

– Сейчас мы сделаем вот что, – повторил он, чтобы самому собраться с духом, решиться, сделать шаг, после которого повернуть уже будет нельзя. – Сейчас ты пойдешь в лес. Я тебя прикрою.

Глаза Сережки стали непонимающими, а потом... потом – ух, каким серым искристым гневом из них ударило!

– Ты... ты что?! – тонким от этого гнева голосом сказал он. – Бросить тебя?! Ты...

– Помолчи и послушай, – оборвал его Юрка. – Я тебя не убежать посылаю...

– Так всегда говорят! – почти выкрикнул мальчишка, отодвигаясь, как будто Юрка мог каким-то невероятным способом сейчас закинуть его, Сережку, за километры от этого места. – Ты просто думаешь, что я маленький, ты меня спасти хочешь, а ты меня спросил?! Я не хочу так спастись! Не хочу тебя бросать, не хочу быть предателем, **не хочу!**

– Я сказал – молчи, – Юрка дотянулся, тряхнул его за плечо. – Ты сейчас уйдешь. Не убежишь, а уйдешь. Да, я хочу тебя спасти. Да, потому что ты младше. Но я отсылаю тебя не чтобы ты прятался, а чтобы ты сражался. Это раз. Ты должен дойти до города и до моего отчима. Просто потому, что я тебя об этом прошу. Это два. А три... – Юрка помедлил. – Три... Ты сейчас можешь сказать, что я вру. Но я сразу понял это, просто не говорил, боялся, что ты от меня сбежишь и пропадешь один...

– О чем не говорил? – непримиримо, но любопытно спросил Сережка.

– Наш командир... я тебе рассказывал... В общем, Сергей. Это был твой отец. Майор Ларионов. Он жив. Он сейчас на Веселом кордоне, как я рассказывал. Ты когда свою фамилию сказал – я подумал: похоже, ты его сын. А потом ты еще про него рассказывал – один в один его рассказы.

Юрка сказал это – точнее, выпалил одним духом – и понял: все. Сережка поломался. Глаза мальчишки из непримиримых стали жалобными, губы приоткрылись – и, прежде чем с них сорвалось тихое: «Врешь...» – после которого все могло начаться сначала, Юрка закрепил успех:

– У твоего отца тут, ниже левого соска, – Юрка показал на себе, – было наколото: «Любовь до гроба – дураки оба». Так?

Сережка кивнул.

– Я тебе... я тебе про это не рассказывал... – прошептал он. – Папка жив?! Правда жив?! Он правда у вас командовал?! Это ты его... его вытащил?!

– Тяжело ранен, но жив, – сказал Юрка и прислушался (надо скорее, скорее...). – И я тебя отсылаю еще и поэтому. Ведь твои мама и сестра живы. А твой отец считает, что вы все погибли. А мама с сестрой думают, что ты погиб, что отец погиб... Понимаешь, **ты один знаешь, что все живы**. Ты один, – Юрка говорил страстно и быстро, – ты один можешь помочь своим... своей семье... ну, вместе собраться, что ли. Ты один, Серега, один! Ну, посмотри, сколько смерти, сколько кругом смерти! Ну, пусть вы-то будете счастливы хотя бы чуть-чуть, хотя бы потому, что **вы – живы, все живы!** Ведь это главное, это главное, а не все остальное! Уходи! – Юрка вдруг заплакал и кинул в Сережку горстью хвои. – Уходи, беги, ну?! Мне страшно, я могу передумать! Найди потом отчима, скажи ему... скажи... Да уходи же, у меня

сердце лопнет!!! – закричал Юрка так страшно, что Сережка, как будто поднятый и правда невидимой силой, вскочил и бросился в чашу...

Несколько окриков послышались совсем рядом. Но это было уже не важно.

Юрка Климов улегся удобней, кинул ноги в распор, пошевелил ступнями. И прижал к плечу приклад хорватского «калаша».

* * *

...Мальчишка пятнадцати, от силы шестнадцати лет лежал на спине рядом со своим оружием – трофейным «калашниковым». Грудь и живот парнишки были пробиты пулями в полудюжине мест, потрепанная одежда промокла от крови и почернела, босые ноги – разбиты в кровь. Русский еще дышал – прерывисто и часто. Командовавший румынскими поисковиками лейтенант «зеленых беретов» невольно вздрогнул: тонкое, красивое лицо мальчишки даже в предсмертной бессознательности сохраняло упрямое, азартное и вдохновенное выражение, и серые глаза смотрели не бессмысленно, а живо, пристально и недобро.

– Сумасшедшая страна... – запаленным голосом сказал лейтенант «зеленых беретов», разглядывая лежащего парня. – Что за сумасшедшая страна... Президент подписывает капитуляцию, министры выносят хлеб-соль по их кретинскому обычаю... а эти продолжают драться. Сумасшедшая страна! – уже почти выкрикнул он с прорвавшейся растерянной злостью.

Стоявшие рядом румыны молчали. Но, когда лейтенант достал «беретту» и ловко прицелился в мокрый от пота лоб под светлыми прядями налипших волос, один из них – рыжеусый невысокий плутоньер – вдруг положил свою корявую руку на запястье американца.

Офицер изумленно дернулся – и ощутил неожиданно тяжелую, мужицкую силу пальцев плутоньера. Американец вспыхнул. Он мог одним ударом выбить дух из этого идиота, но... но на лицах остальных румын было написано что-то непонятное, и американец раздраженно поинтересовался, переходя на румынский:

– Что случилось?! Он еще жив.

– Вот именно, – спокойно сказал румын. – Не надо в него стрелять, лейтенант. Мы понесем его к машинам и доставим в наш госпиталь.

– Что?! – лейтенант не поверил своим ушам. – Его?! Отпусти, ублюдок!

– **Не надо**, – сказал румын, и пистолет выпал на хвою из миглом онемевших пальцев «зеленого берета», а сам он согнулся на сторону. – А то ведь шлепнем вас, а потом скажем, что героически погибли в бою.

– Он же убил троих ваших! – выкрикнул американец. Распрямился, растирая запястье и не решаясь нагнуться за пистолетом.

Плутоньер отпустил руку и сказал вдруг с отчетливым презрением:

– Он свою Родину защищал. Если ты это понять можешь, гость залетный... Виктор, Йонел! – окликнул он двоих с готовностью подошедших солдат. – Носилки сделайте, русского понесем.

– Может, ну его? – неуверенно подал голос кто-то из солдат. На него обернулись хмуро остальные.

– Все мы люди, – сурово сказал плутоньер. – Все в Бога веруем. Хватит кровь после боя лить. И так уж... – он не договорил и стал смотреть, как по стволу сосны спускается любопытная белка.

* * *

– Вот так все и вышло, – Сережка вздохнул. – Юрку я и не видел больше... наверное, он погиб. Добрался я до Воронежа, а отчим Юрки уже мертвый. Я хотел у казаков остаться, а они

говорят – маленький... хотели к пионерам сдать, а там мне говорят – такой, как ты, воевать не должен. А что я должен?! – В голосе Сережки прозвучала обида. – Крупку переводить?! Я и сбежал. Пошел на тот кордон, на Веселый. А от него одно пепелище...

– Ты думаешь, – Боже осторожно пошевелился, – что тот парень, Юрка, обманул тебя?

– Нет! – Сережка дернулся возмущенно, чуть не опрокинул с ящика кружку с чаем. – Нет, он не такой... был. Просто что-то случилось, – печально и уже тихо сказал Сережка. – Я думал маму с Катькой искать. Дошел до Грибановки... ну, где сторожка... а там тоже все сожжено, местные говорят – да, была жена офицера с девочкой, но лесник и свою семью, и мою маму с Катькой увел в лес. Куда – не знают... Ну, я и вернулся в Воронеж.

– И стал воевать, – сказал Боже.

Сережка вздохнул, пожал плечами. Отпил чай.

– Ну и стал...

– Ты не думай, я не смеюсь, – негромко сказал Боже. – У меня тоже мама погибла. И сестрички. У нас тоже война. Мы с отцом были в горах. Налетели американцы и сожгли наше село напалмом.

– И... – Сережка не договорил.

Боже зажмурился:

– Всех... У нас маленькая земля, – черногорец открыл сухие глаза. – Наше ополчение разбили, и мы с отцом бежали к вам. А тут и у вас началось... Мы пошли воевать. Отец тоже был снайпером. Только десять дней назад его убил тот... ну, тот, которого застрелил я. И я теперь один. Даже наши, наверное, думают, что я погиб.

Кажется, Сережка хотел что-то спросить. Но в углу раздалось какое-то неясное поскребывание, мальчишка быстро встал, достал из кобуры небольшой обтекаемый «глок» и, пройдя в угол (тени почти скрыли его), прошептал:

– Кто?

– Смерть телепузикам, – раздался как из-под земли тонкий голос.

Сережка присел, что-то отодвинул. Боже всматривался, но мог различить только его спину с торчащими под майкой лопатками да какую-то неясную тень в небольшом отверстии у самого пола. Слышался ускользающий шепот: «Нет... да... пять... а они... я не боюсь... иди...» Тень пропала; Сережка встал, что-то задвинул и вернулся. Хотел сесть у огня, но передумал, сел рядом с Боже.

– Так ты не один, что ли? – напрямую спросил черногорец.

Сережка вздохнул, опять пожал плечами, зверски почесал коленку. Снова дернул плечами:

– Ну... вроде того. Это так. Ребята из нашей школы, из секции... кто остался... вообще ну... Боже, – вдруг выпалил он, – ты умеешь делать самодельные мины? Ну, из всякой там разной штуки – ручки, часы?

– У тебя блокнот есть? – без раздумий спросил черногорец.

За месяц до этого...

Лейтенант Берковитц узнал лежащего в постели человека сразу. У лейтенанта была хорошая память на лица, и уж тем более нелепо было бы не знать в лицо того, кого идешь «брат».

«Медаль Конгресса, – с возжелением подумал офицер, удовлетворенно разглядывая еще не старое, хотя и измученное лицо бессильно откинувшегося на подушку партизанского командира. – Можно будет сказать, что он сопротивлялся... хорошо бы найти в доме оружие...»

Он пожалел, что не прихватил пару трофейных стволов. Взять вооруженного врага – это вовсе не то что раненого и ослабшего.

– Это он, сэр? – быстро спросил капрал Галиенди.

– Не сомневайтесь, он, он! – радостно подтвердил информатор. – Бабка его тут прятала, карга старая!

– Мы оценим ваши усилия, – процедил Берковитц, даже не повернув головы в сторону предателя, и тот замолк.

Лейтенант же с интересом продолжал разглядывать узкое, правильных очертаний лицо, решительный подбородок... Глаза Батяни – серые, а Берковитц почему-то думал, что они будут черными – смотрели с усталым, равнодушным презрением, и американец понял с восторгом, что затравленный зверь больше не может бороться. Светло-русые волосы русского на висках были седыми почти полностью, седина пробивалась в довольно длинной челке.

«Ему тридцать три года, – подумал лейтенант, – как Иисусу. Смешное совпадение!»

Берковитц кашлянул и, значительно посмотрев на Галиенди, заговорил по-русски:

– Вы достаточно понимаете меня?

– Не ломайте язык, я понимаю английский, – голос у лежащего партизанского командира был хриловатый, простуженный.

– Это хорошо, – переходя на родной язык, Берковитц позволил себе высокомерно улыбнуться: конечно же, русский должен его понимать! Это ведь язык мировой, а не их жалкое смешное лопотанье... – Я – лейтенант армии США Джесс Берковитц, арестовываю вас как главаря террористической банды, согласно резолюции ООН и распоряжению командования международных сил... Позже вам будут предъявлены официальные обвинения в совершенных вами преступлениях. Протяните руку... Сержант, наручники, – Берковитц повернулся к Галиенди.

Обернуться он уже не успел. Горлу вдруг стало нестерпимо, чудовищно больно – а через миг эта боль отхлынула, унося с собой сознание и жизнь двадцатитрехлетнего лейтенанта оккупационной армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.